

АНДРЕЙ ВОРОНИН

**ИНСТРУКТОР
ПЕРВЫЙ КЛАСС**

**МИНСК
Харвест**

Инструктор

Андрей Воронин

Инструктор. Первый класс

«ХАРВЕСТ»

2009

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Инструктор. Первый класс / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2009 — (Инструктор)

ISBN 978-985-16-6938-3

Бывший инструктор спецназа ГРУ России Илларион Забродов снова берется за оружие. Ему удастся вычислить ученого-маньяка и предотвратить глобальную катастрофу.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-6938-3

© Воронин А. Н., 2009
© ХАРВЕСТ, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Воронин
Инструктор. Первый класс

© Подготовка и оформление. Харвест, 2009

Глава 1

Воскресенье выдалось сырым, пасмурным и относительно теплым – прибитый снаружи к гнилой оконной раме старенький термометр показывал четыре градуса выше нуля, а то, что синоптики скромно именовали туманом, более всего напоминало облако, уставшее без цели и смысла мотаться над центральными областями России. Переменная облачность, наблюдавшаяся над городом Песковым накануне, в субботу, в воскресенье уже представлялась некоторым его обитателям не то сном, не то досужим вымыслом охочих до беспардонного вранья синоптиков, а прошедшее лето вспоминалось с трудом, и воспоминания эти выглядели не более правдоподобными, чем дошедшие до наших дней мифы Древней Эллады.

К вечеру, однако, погода переменялась. В сумерках, которые в это время года наступают рано и длятся совсем недолго, сырой воздух был таким же неподвижным и мутным, но в темноте тучи незаметно ушли в неизвестном направлении, туман рассеялся, и в небе, на которое никто не удосужился взглянуть, засверкали крупные звезды. Из-за покосившихся черных заборов в частном секторе (который, к слову, составлял девяносто процентов жилого фонда города Пескова) с самого утра начали выползать клубы белого горького дыма – хозяева, пользуясь погожим днем, жгли опавшую листву.

Вдыхая этот горький осенний запах под натужный скрип педалей своего дышащего на ладан дамского велосипеда, Клим Зиновьевич Голубев неожиданно для себя вспомнил, что именно в такой погожий осенний денек двадцать лет назад они с Мариной решили пожениться. Небо в тот день было таким же голубым, и прозрачный воздух так же пах горечью сжигаемых листьев. Точно так же золотились полуоблетевшие липы на единственном в городе бульваре, так же пламенели поредевшие кроны старых кленов на церковном погосте и шуршала под ногами опавшая листва. Они шли взявшись за руки, и казалось, нет ничего прекраснее этого прикосновения теплой и нежной девичьей ладони с трогательно тонкими пальчиками. И еще казалось, что нахлынувшее счастье будет вечным, что бы ни случилось, как бы ни повернулась жизнь.

С трудом крутя несмазанные педали, Клим Зиновьевич горько усмехнулся. Молодым людям свойственно думать, что они – единственные в своем роде, отличные от всех прочих представителей рода людского, что чувства, которые испытывает влюбленный юноша, не испытывал до него ни один человек и дальнейшая судьба подхваченного вихрем гормональной бури соплика, естественно, не имеет ничего общего с серым будничным прозябанием, из которого состоит жизнь старших поколений.

Но годы идут, и в один далеко не прекрасный день ты вдруг обнаруживаешь, что волосы на голове поредели, зубы испортились, блеск в глазах потускнел, а сияющие перспективы подернулись туманной дымкой и растаяли, как мираж. Юношеские мечты вспоминаются смутно, с печальной улыбкой, а между тобой нынешним и тем пьяным от счастья юнцом, каким ты был когда-то, пролегла топкая трясина однообразно серых будней, и нет ни возможности, ни, что страшнее, желания проделать этот путь в обратном направлении. А впереди уже сгущается мрак; идти туда не хочется, но река времени неумолимо и безостановочно несет тебя к неизбежному концу...

С этого дня начинается постепенное прозрение. Сначала ты обнаруживаешь, что не нужен обществу, стране, государству – словом, внешнему миру, который превосходно обойдется без тебя и даже не заметит твоего исчезновения. Потом оказывается, что ты неинтересен тем, кого по наивности считал своими друзьями; еще какое-то (как правило, очень недолгое) время спустя выясняется, что ты точно так же неинтересен собственной семье, после чего становится ясно, что и самому себе ты не нужен и неинтересен.

Большинство людей устроено настолько примитивно, что им такие мысли даже не приходят в голову. Они живут сегодняшним днем – мучаются, как бессловесные животные, от многочисленных болячек, тупо радуются, когда удастся набить брюхо или перекричать соседа, и топят в алкоголе даже ту слабенькую искру разума, которой наградила их мать-природа в лице самодовольных родителей.

Клим Зиновьевич Голубев был не таков. В свои сорок два года он представлял собой типичный образец состоявшегося неудачника, но винил в этом не себя, а обстоятельства, а паче того – окружающих.

Учась в химико-технологическом, он мечтал об аспирантуре, которая позволила бы ему остаться в Москве и сделать блестящую карьеру исследователя или, на худой конец, администратора. Учился он не хуже остальных и, как ему казалось, имел все шансы на успех. Но вокруг всегда было навалом преподавателей-взяточников и их любимчиков – проныр, лизоблюдов, стукачей с московской пропиской, которые спали и видели, как бы им подсадить Клима Голубева и отправить его прозябать обратно в провинцию. Он потерпел поражение, а его недруги преуспели, и то обстоятельство, что недругов своих он придумал сам, и притом намного позднее, когда пытался разобраться в причинах своей неудачи, ничего не меняло в нынешнем отношении Клима Зиновьевича к тогдашнему периоду своей жизни.

Получив распределение на один из гигантов химической промышленности, он стиснул зубы и стал работать, мечтая сделать карьеру на производстве – через посты мастера, начальника смены и начальника цеха к директорскому, а в перспективе, может статься, и к министерскому креслу. До начальника смены он кое-как дорос, но потом в цеху случилась авария, в которой обвинили – естественно, несправедливо – его, и Клим Зиновьевич глазом моргнуть не успел, как вновь очутился на собачьей должности сменного мастера цеха без видимых перспектив карьерного роста. Некоторые считали, что ему повезло – дескать, мог бы загреметь в простые работы, а то и за колючую проволоку, – но Клим Голубев так не считал. Он был из тех людей, которые просто не способны признать свою вину в чем бы то ни было.

Уволившись с завода, он вернулся в родной Песков и поселился в старом родительском доме, перебиваясь случайными заработками в ожидании счастливого случая, что вознесет его на сверкающие высоты, которых он достоин. Химик-технолог – не самая востребованная специальность в городишке с населением в двадцать пять тысяч человек, вся промышленность которого состоит из ремонтно-механических мастерских, хлебо- и молокозавода да дышащего на ладан заводика плодово-ягодных вин. В течение десяти лет Клим Зиновьевич поочередно преподавал химию во всех пяти школах родного города. К тому времени, как администрация последней из них, отчаявшись добиться толку, рассталась с Климом Голубевым, его жена Марина уже давно перестала верить в блестящее будущее супруга и все разговоры на эту тему пресекала однообразно-ворчливой репликой: «Ну, понес...» Дочь, когда чуточку подросла, решительно приняла сторону матери, и теперь они выступали единым фронтом – всегда против Клима Зиновьевича и никогда за.

Крутя тугие педали и с ненужной силой стискивая обтянутые потрескавшейся резиной рукоятки ржавого руля, Клим Зиновьевич Голубев ехал на работу. Горькие мысли привычно глодали изъеденное обидами нутро, и даже неожиданно погожий, солнечный денек не радовал, а, напротив, усугублял его дурное настроение: выходные были испорчены ненастьем, из-за которого ему пришлось сидеть дома, в компании злобно ворчащей жены и пренебрежительно фыркающей шестнадцатилетней дочери, зато в понедельник, который ему предстояло провести в сыром, продуваемом злыми сквозняками цеху, где не было ни одного окна, погода выдалась просто загляденье. Как будто нарочно, ей-богу! И что за доля у Клима Зиновьевича? Даже природа и та против него...

Он с натугой преодолел длинный подъем, миновал огороженный старым кирпичным забором Свято-Никольский храм, на паперти которого, как всегда, было черным-черно от

набожных старух, прокатился, мелко дребезжа расхлябанным звонком, мимо двухэтажного особняка музыкальной школы и свернул направо, в тенистый переулок. Переулок носил гордое имя Розы Люксембург, которое вряд ли что-то говорило обитателям притаившихся в глубине заросших замшелой сиренью и могучей крапивой палисадов. В отличие от них, Клим Зиновьевич знал, кто она такая и чем прославилась, и это знание служило ему дополнительным поводом для раздражения: Голубев вовсе не считал Розу Люксембург достойной того, чтобы ее имя было увековечено в названиях тысяч улиц и переулков, а также заводов и фабрик, разбросанных по бескрайним просторам бывшего Советского Союза.

Переулок имени Розы Люксембург имел одно неоспоримое достоинство: от церкви он шел под уклон, позволяя сидеть в седле и, отдыхая, глазеть по сторонам, пока сила земного притяжения работает за тебя, вертя колеса велосипеда. Увы, на обратном пути это достоинство превращалось в недостаток, с которым приходилось мириться, – мир несовершенен, и с этим ничего не поделаешь.

Правда, с некоторых пор у Клим Зиновьевича появилось средство сделать этот несовершенный мир более пригодным для существования. Изменить рельеф городских улиц с помощью этого средства Голубев не мог; не мог он и переменить мнение о себе окружающих, не говоря уже о собственной судьбе, которая после сорока лет обычно проявляет явные тенденции к окончательному окостенению. Все, что могло изобретенное бывшим химиком-технологом Голубевым средство, – это подарить ему немного радости, которой ни с кем нельзя поделиться.

Скрипя и дребезжа, облезлая «дамка» с восседающим в седле лысоватым невзрачным субъектом средних лет прокатилась по короткому и кривому переулку Розы Люксембург и, повернув налево, выехала на улицу Береговую. Сделав два плавных поворота, пыльная улица уперлась в железные ворота, петли которых были намертво вмурованы в кирпичный забор. Над забором виднелось современное сооружение – тоже кирпичное, темно-красное, со стрельчатыми закопченными окнами и ненужными финтифлюшками по всему фасаду. Крыша блестела новенькой оцинкованной жстью; два года назад пристроенное к производственному корпусу административное здание резало глаз белизной гладко оштукатуренных стен и блеском отмытых до скрипа стеклопакетов. Рядом с проходной к стене была привинчена табличка, которая гласила: «Открытое акционерное общество „Песковский завод виноградных вин“». Клим Зиновьевич не стал смотреть на табличку: он и так знал, что там написано, поскольку трудился на данном предприятии уже три года – едва ли не с того самого дня, как оно обрело вторую жизнь с подачи столичных толстосумов.

Упомянутые толстосумы, по мнению Клим Голубева, были хоть и подонки, но далеко не дураки. Выкупив давно закрытое ввиду хронической убыточности предприятие, они не стали реанимировать производство дешевой яблочной бормотухи, которой издревле травились аборигены города Пескова и его окрестностей. Вместо этого господа олигархи наладили тесное взаимодействие с иностранными партнерами, установили на предприятии суперсовременную автоматическую линию и занялись розливом тонких импортных вин, которые привозили откуда-то из-за границы в громадных, сверкающих нержавеющей сталью автоцистернах. Деньги, таким образом, извлекались чуть ли не из воздуха: будучи всего-навсего разлитым в узкогорлые бутылки темного стекла с неброскими, вызывающими доверие этикетками, привезенный из Франции виноматериал дорожал в десятки раз. Какую именно прибыль владельцы завода извлекали из этой нехитрой операции, оставалось только гадать: лишь они да их иностранные партнеры знали, сколько на самом деле стоило доставляемое автоцистернами из Франции исходное сырье. Клим Голубев не знал даже, какова цена конечного продукта: он, этот продукт, считался элитным, и торговая сеть города Пескова его не закупала ввиду заведомого отсутствия спроса. Поэтому Клим Зиновьевич очень смутно представлял себе, сколько стоит каждая из прошедших через его руки узкогорлых бутылок.

Спешившись, он протащил велосипед через новенький блестящий турникет. Охранник в форменной рубашке, похожей на те, в которых щеголяют американские копы, придирчиво проверил у него пропуск, хотя знал Клим Голубев как облупленного, потому что жил на соседней улице. Голубев не роптал: таков был заведенный хозяевами порядок, нарушение которого могло стоить и ему и охраннику работы.

Очутившись на территории завода, Голубев снова оседлал велосипед и, кивая знакомым, покатыл к производственному корпусу. Его длинная тень, кривляясь и приседая на неровностях почвы, беззвучно и неотступно скользила рядом. Лысые покрышки негромко шуршали, взметая с земли желтые листья, которых за ночь нанесло через забор с росшей на углу старой березы. Поднявшееся высоко солнце все так же ярко светило с безоблачного неба, и отполированные бока двух стоявших под разгрузкой автоцистерн в его лучах сверкали так, что было больно глазам. От виновозов к серебристой емкости хранилища тянулись длинные и толстые гофрированные шланги. Шланги заметно подрагивали; в чистом утреннем воздухе слышалось ровное гудение насосов и разносился аромат хорошего вина. Небритые, небрежно одетые дальнбойщики, шуря от яркого света усталые глаза, курили возле кабины одного из тягачей, рассеянно обмениваясь какими-то замечаниями. Номера на тягачах были французские, но, когда Клим Зиновьевич проезжал мимо, ушей его коснулся обрывок разговора, из коего явствовало, что водители родились и выросли на широких российских просторах. Конечно, научить ругаться матом можно и француза, и бельгийца, и папуаса, но истинно творческий, душевный подход к сквернословию свойствен лишь русскому человеку. Только русский человек может возвести сквернословие в степень высокого искусства.

Водители скользнули по Климу Зиновьевичу одинаково пустыми, невидящими взглядами. Короли больших дорог, рыцари международных трасс, повелители сверкающих динозавров смотрели сквозь него, словно он был сделан из пыльного оконного стекла. Он был для них никто – невзрачный провинциал верхом на облезлом дамском велосипеде, простой работяга, с которым даже не о чем поговорить. А полученное им когда-то высшее образование давно уже перестало служить Климу Голубеву плюсом даже в его собственных глазах, поскольку никакого толку от него не было и, главное, не предвиделось. Как сказали бы те же дальнбойщики, случись им узнать о его дипломе: «Если ты такой умный, почему не богатый?»

Голубев прислонил велосипед к стене производственного корпуса, отцепил от багажника замок и замкнул переднее колесо. Он знал, что с территории завода велосипед не украдут, и возился с замком исключительно в силу многолетней привычки. Сунув в карман ключ, он снял и отправил туда же бельевую прищепку, которая предохраняла его правую брючину от попадания между зубьями звездочки и звеньями велосипедной цепи.

В раздевалке, как всегда в начале и конце рабочей смены, было многолюдно. Полуодетые работяги здоровались с Климом Зиновьевичем за руку, отпускали дежурные остроты и замечания по поводу отличной погоды. Клим Зиновьевича привычно коробило это панибратство: все это тупое быдло, с превеликим трудом получившее аттестаты о среднем образовании, имело наглость держаться с ним, обладателем институтского диплома, на равных, а некоторые даже позволяли себе говорить покровительственно и с легким пренебрежением, свойственным работягам в отношении интеллигенции, неспособной самостоятельно заменить прокладку в подтекающем водопроводном кране.

Затягивая на груди молнию ярко-желтого с синими вставками рабочего комбинезона, Клим Зиновьевич еще раз мысленно перепроверил свои нехитрые расчеты. Впрочем, пересчитывать было нечего: две недели прошли, он убедился в этом еще накануне и трижды перепроверил все по календарю. Да, две недели истекли, а это означало, что долгожданный день настал.

Ровно в восемь часов по московскому времени Клим Зиновьевич Голубев занял свое рабочее место. Где-то в глубине освещенного люминесцентными лампами обширного помещения противно задребезжал звонок, громко щелкнуло реле, лента конвейера конвульсивно

дернулась и пришла в движение. Рабочий день начался. Голубев отработанным до автоматизма движением вскрыл первую в этот день картонную коробку и начал одну за другой сноровисто вставлять в гнезда ленты пустые темно-зеленые бутылки с длинными, узкими, слегка искривленными для удобства наливающего горлышками.

Негромко позвякивая от мягких толчков направляющих роликов, бутылки длинной вереницей поползли к дозирующему автомату. Мимо прошел сменный мастер Егоров – бывший ученик Клим Заиньевича, двоечник и лоботряс, так и не сумевший превзойти азы неорганической химии, не говоря уже о химии органической, а теперь волей обстоятельств сделавшийся начальником своего учителя. У Клим Заиньевича были – или ему казалось, что были, – все основания считать Антона Егорова большой сволочью, однако, когда мастер приветственно кивнул, Голубев кивнул в ответ и даже заставил себя улыбнуться.

Убедившись, что отставной химик на месте и приступил к выполнению своих обязанностей, Егоров повернулся к нему спиной и двинулся дальше. Как только он скрылся из вида, Клим Заиньевич извлек из кармана крошечный бумажный пакетик и со сноровкой, которая свидетельствовала о немалом опыте, высыпал содержимое в одну из только что установленных на конвейер бутылок.

Темно-зеленое, почти непрозрачное стекло надежно скрыло дело рук Голубева от посторонних взглядов. Слегка покачиваясь, бутылка поплыла по конвейеру, почти сразу затерявшись среди своих товарок. Она начала свой путь в отгороженный от простых смертных неприступной стеной наворованных денег, живущий по своим странным законам, сверкающий и недостижимый мир толстосумов, которым ничего не стоит выложить несколько сот долларов за бутылку вина. Что ж, в добрый час! Они отобрали у Голубева все; Клим Голубев, в свою очередь, нашел способ отнять все у них – пусть не у всех, но хотя бы у некоторых. Мир людей, делающих покупки только в дорогих и престижных бутиках, уже полгода, сам того не ведая, играл в изобретенную никому не известным оператором конвейерной линии разновидность русской рулетки, и Клим Заиньевич только что вложил в ее гигантский барабан очередной боевой патрон.

То обстоятельство, что он до сих пор ни разу не увидел плодов своих усилий, его нисколько не огорчало: в конце концов, сцены, которые рисовало ему воображение, наверняка были куда красочнее и ярче того, что происходило в действительности.

Руки Клим Голубева продолжали один за другим вскрывать картонные ящики и вставлять в гнезда конвейера пустые бутылки. Он действовал механически, как запрограммированный робот; заслоненные толстыми стеклами очков глаза его при этом были пустыми, обращенными вовнутрь, а на тонких бледных губах играла мечтательная улыбка.

* * *

У нее были глаза глубокого орехового оттенка и стройная, подтянутая фигура бывшей спортсменки. Одевалась она недорого, но со вкусом, держалась независимо и вместе с тем приветливо; она тонко шутила, очень мило и заразительно смеялась над чужими шутками и явно была не прочь приятно провести время в хорошей компании – что, собственно, и требовалось доказать. Обручальное кольцо на безымянном пальце ее правой руки отсутствовало, но Иван Ильич был достаточно опытен и мудр, чтобы не придавать этой детали значения. Какая разница, замужем она или нет, если обоим заранее ясно, что продолжения этой истории не предвидится?

– А вы кто? – спросила она, бросив на него снизу вверх быстрый, полный доброжелательного любопытства взгляд.

– Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, синь очей утративший во мгле... – раздумчиво, с легкой грустью проговорил в ответ Иван Ильич.

Анна Адамовна улыбнулась, взяв его под руку.

– Что ж, – сказала она, – можно считать установленным, что Есенина вы читали. Но я спрашивала о вашей профессии.

– А вы? – с шутливой подозрительностью отстранился от нее полковник ГРУ Замятин. – Уж не налоговый ли инспектор? Нет, в самом деле, – дождавшись очередной улыбки, продолжал он, – какое значение имеет моя профессиональная деятельность?

– Мне просто любопытно, – сказала она. – В наше время нечасто встретишь человека с вашей внешностью, способного вспомнить и прочесть хотя бы одно стихотворение, не включенное в школьную программу.

Иван Ильич улыбнулся. Он прекрасно понял, что имела в виду спутница. Внешность у него была в высшей степени мужественная: широкий разворот плеч, гордая осанка, чеканный профиль с орлиным носом и волевым подбородком, густая копна волос, на висках густо посе-ребренных ранней сединой, – все это делало его похожим не столько на полковника Главного разведывательного управления, сколько на актера, играющего роль упомянутого полковника в кино. Только в кинобоевике, снятом в сказочной голливудской манере, сотрудник спецслужб может выглядеть как кинозвезда и, в сотый раз спасая мир, сыпать направо и налево цитатами из классиков мировой поэзии.

Полковник Замятин прекрасно знал, какое впечатление на женщин производит сочетание его героической внешности с чтением стихов, и умело этим пользовался. Знаток поэзии он, разумеется, не являлся; познания его были ограничены полутора десятками тщательно подобранных стихотворений, и этого джентльменского набора, как правило, хватало с избытком: ему еще не приходилось встретить женщину, которую после более или менее продолжительного периода ухаживания стихи продолжали бы интересовать больше, чем постель. Ни одной из его пассий не удалось проверить глубину поэтических познаний Ивана Ильича – им на это просто не хватало времени, да и желания тоже. Ухаживал он красиво, в постели неизменно доставлял удовольствие не только себе, но и партнерше, никогда не давал невыполнимых обещаний, а главное, умел безошибочно выбрать именно ту, которая хотела того же, что и он, то есть короткого, ни к чему не обязывающего курортного романа. Профессиональному разведчику по долгу службы полагается быть хорошим психологом, так что осечек у полковника Замятина не случалось.

– Я не учитель русской литературы, если вы это имеете в виду, – шутливо заявил он. – Просто люблю на досуге полистать томик любимого поэта.

– Ваше счастье, – сказала Анна Адамовна. Она мягко отняла у него руку и, грациозно присев на корточки, подобрала с земли лимонно-желтый кленовый лист, присоединив его к красно-золотому букету, который успела собрать за время прогулки. – Представляю, какой ажиотаж начался бы среди старшеклассниц! О коллегах-педагогах я уже и не говорю...

– Пожалуй, вы правы, – согласился Замятин. – Такой жизни врагу не пожелаешь.

– Ну-ну, – с лукавой улыбкой произнесла Анна Адамовна, – полноте! По вашему виду не скажешь, что вы испытываете дефицит женского внимания. Или что оно вам неприятно.

– Может, поздно, может, слишком рано, и о чем не думал много лет, походить я стал на Дон-Жуана, как заправский ветреный поэт, – с уморительно серьезным видом сообщил ей Иван Ильич.

Живописная кленовая аллея, плавно изгибаясь, вывела их на пустую, густо засыпанную красно-золотой листвой террасу. Внизу, петляя и отливая на солнце холодным свинцовым блеском, неторопливо и плавно текла неширокая речка. Опустевшие поля на ее противоположном низком берегу были подернуты голубовато-серой дымкой, в прозрачном воздухе уже чувствовалось дыхание приближающихся холодов. Крапчатый красно-желтый лист сорвался с ветки, бесшумно спланировал вниз и, задев краешком плечо Ивана Ильича, упал на землю. Он был красивый, и Замятин, подобрав его, протянул Анне Адамовне. Какая-то мелкая пичуга,

коротко пискнув, перепрыгнула с ветки на ветку, а потом, чего-то испугавшись, отчаянно работая крыльями, стремглав улетела за реку.

– Хотите, угадаю, кем вы работаете? – предложила женщина.

– Ну-ка, ну-ка! Даже любопытно.

– Вы, наверное, разведчик, – мечтательно, не то в шутку, не то всерьез, закатив глаза, сказала она. – Наш отечественный Джеймс Бонд. Отдыхаете здесь после того, как в очередной раз спасли мир. А может быть, наоборот, выполняете ответственное задание, а я нужна вам для прикрытия.

Конечно, она шутила – по крайней мере, процентов на семьдесят. Вежливо улыбаясь, Замятин подумал, что внешность кинематографического шпиона служила и продолжает служить ему отменным прикрытием: ни один сколько-нибудь знающий профессионал не поверит, что за столь вызывающе броской наружностью может скрываться именно то, на что данная наружность намекает. И даже если на полковника ГРУ Замятина падет подозрение, противник чисто подсознательно будет не склонен воспринимать его всерьез: профессионалы всех времен и народов пренебрежительно относятся ко всякого рода красавчикам, справедливо полагая, что более всего на свете их интересует собственная внешность, которая является их основным и чаще всего единственным достоинством.

– А может быть, я не отечественный, а как раз таки зарубежный Джеймс Бонд? – вкрадчиво предположил он. – И здесь вовсе не отдыхаю, а, наоборот, напряженно работаю, вербуя агентуру? Вы как, не против поработать подружкой шпиона? Для прикрытия, а? Дорогие рестораны, шикарные авто, приемы в высшем свете, вечерние платья, бриллианты, никелированный браунинг с перламутровой рукояткой...

– Пуля в сердце и прощальный поцелуй в окровавленные губы в финале, – с улыбкой закончила она. – Честно говоря, я думала, такое бывает только в кино.

– Честно говоря, не знаю, – в тон ей откликнулся Иван Ильич. – На самом-то деле у меня довольно скучная профессия. Я – торговый представитель России за рубежом. Работа, бесспорно, солидная, уважаемая и недурно оплачиваемая, но, повторяю, неимоверно скучная.

Последнее заявление было почти правдивым: должность торгового представителя при российском посольстве много лет служила ему официальным прикрытием при выполнении разведывательных миссий в разных точках земного шара, так что уличить полковника Замятина во лжи не смог бы даже квалифицированный специалист в области внешней торговли.

– Скучная? – усомнилась Анна Адамовна. – Да ведь вы, верно, годами не вылезаете из заграничных командировок!

– Ну и что? Офисы, конференц-залы и гостиничные номера в наше время одинаковы повсюду, а на местную экзотику времени почти не остается. Кроме того, вся эта экзотика довольно быстро приедается. Допускаю, это всего лишь мое личное впечатление. Возможно, я просто скучный человек, но пословица «Где родился, там и содился» – это про меня.

Со стороны реки вдруг потянуло острым, холодным ветром. Поредевшие кроны старых кленов и лип глухо зашумели, осыпав террасу шуршащим дождем желтой и багряной листвы. Анна Адамовна зябко поежилась и, плотнее прильнув к плечу Замятина, запахнула у горла воротник легкого пальто.

– Вернемся? – предложил полковник.

– Пожалуй, – согласилась она.

Подмосковный дом отдыха «Рябинка» когда-то имел статус правительственного. С тех пор утекло много воды, но от перемены владельцев «Рябинка» только выиграла, превратившись в тихое, уютное, предельно комфортабельное, истинно райское местечко. Здесь отдыхали, приводя в порядок потрепанные нервы, воротили бизнеса, чиновники, шоумены – словом, все, кому был дорог «серенький ситец бедных северных небес» и кто мог себе позволить приобрести путевку в «Рябинку». К числу этих ностальгирующих господ, пресытившихся кра-

сотами тропиков, с некоторых пор относился и полковник ГРУ Замятин. За последние пять лет он стал здесь постоянным клиентом, не реже раза в год проводя в «Рябинке» десять-двенадцать дней и частенько, когда находился в России, навещая сюда на выходные.

Около восьми лет назад Иван Ильич овдовел. К тому времени он уже имел ряд неоспоримых заслуг перед Родиной и был на хорошем счету в управлении, так что ставить его продвижение по службе в зависимость от новой женитьбы начальство не сочло необходимым. Это было очень кстати: с покойной женой Замятин жил не то чтобы плохо, но накопленный за пятнадцать лет супружества опыт семейной жизни надежно удерживал его от новых экспериментов. Практически постоянно находясь в разъездах, он не имел налаженного быта, который надо было поддерживать, а в плане межполового общения его вполне удовлетворяли непродолжительные, но частые случайные романы, которые при его внешности и манерах практически не требовали от полковника усилий.

Просторный, со вкусом обставленный номер, который Иван Ильич занимал всякий раз, когда навещался в «Рябинку», располагался на четвертом, самом верхнем этаже старого здания. Из широкого панорамного окна поверх крон парковых деревьев открывался вид на реку и заливные луга на другом ее берегу. Этот неброский пейзаж в любое время года дышал таким покоем, что Иван Ильич, когда не спал и не был занят охмурением очередной дамочки, часами просиживал в глубоком кресле перед окном – курил, потягивал коньяк и размышлял о всякой всячине, как правило не имеющей никакого отношения к сфере его профессиональных интересов.

Сейчас в любимом кресле полковника расположилась гостья. Плотная ткань пальто больше не скрывала ее великолепно сохранившейся фигуры, а положенные одна на другую ноги выглядели в высшей степени соблазнительно. Анна Адамовна была дамой бальзаковского возраста: Иван Ильич редко останавливал свой выбор на молоденьких девицах, которые в подавляющем своем большинстве сочетали красоту и свежесть юной плоти с куриными мозгами и рефлексамися голодного аллигатора. Охотники за малолетками просто покупают по сходной цене сомнительное (ввиду неопытности партнерш) плотское удовольствие; для Ивана Ильича Замятина секс без приятного общения мало чем отличался от упражнений с надувной куклой, и он неизменно останавливал свой выбор на зрелых, опытных и неглупых женщинах, которые искали в нем не покупателя, а партнера.

На низком журнальном столике перед Анной Адамовной красовался стандартный в подобных ситуациях набор: букет роз, ваза с фруктами, коробка шоколада, а также пузатая бутылка темного стекла с длинным, узким, слегка искривленным горлышком и неброской, словно бы поблекшей от времени двухцветной этикеткой, которая как будто намекала на то, что содержащийся в данном сосуде продукт не нуждается в рекламе. Вино было, разумеется, не самое дорогое из тех, какие теперь можно приобрести на российских широтах, но и полковник ГРУ Замятин не числился в олигархах, чтобы выбрасывать тысячи долларов за бутылку вина только ради того, чтобы произвести впечатление на случайную знакомую. Вино было дорогое, купленное в хорошем специализированном магазине на Новом Арбате; впервые его попробовав, предпочитавший всем иным напиткам коньяк или, в крайнем случае, водку Иван Ильич нашел данный продукт весьма недурным и взял на вооружение.

Вино было прихвачено из Москвы как раз для такого случая; насчет фруктов и всего прочего расстаралась местная обслуга, хорошо изучившая вкусы и привычки Ивана Ильича. Свечи в начищенных до блеска бронзовых подсвечниках только ждали, чтобы к ним поднесли спичку, хрустальные грани бокалов дробили вливающийся в широкое окно слабенький полусвет угасающего осеннего дня. На красиво очерченных губах Анны Адамовны играла тень легкой улыбки: она была неглупа и с первого взгляда по достоинству оценила поджидавшее их в номере тщательно подготовленное великолепие.

Полковник щелкнул зажигалкой, и свечи расцвели оранжевыми язычками пламени, которые, дрожа, отразились в оконном стекле. Камешки в мочках ушей Анны Адамовны брызнули снопами острых цветных лучей; извлеченная из узкого горлышка пробка деликатно хлопнула, и темное, как кровь дракона, вино полилось в сверкающий хрусталь. Иван Ильич будто невзначай коснулся лежавшего на подлокотнике пульта, и комната наполнилась негромкой инструментальной музыкой. Замятин недурно танцевал; судя по мягкой грации, с которой двигалась Анна Адамовна, она была отличной партнершей – полковник от души надеялся, что не только в танцах.

Он поднял бокал. Тонкие, старательно ухоженные пальцы Анны Адамовны тоже обвили хрустальную ножку. Момент для провозглашения сакраментального «Шаганэ ты моя, Шаганэ» еще не созрел, и осторожный, как всякий мудрый военачальник, Иван Ильич решил не торопиться и ограничиться прозой.

– Я не мастер говорить тосты, – начал он. Голос его был глубоким и задушевым, красивые карие глаза смотрели на собеседницу с легкой грустью, как будто ее красота и впрямь ранила его сердце так глубоко, как он старался показать; рука, сжимавшая бокал, была тверда и несколько не дрожала, хотя чувства, испытываемые полковником Замятиным в данный момент, больше напоминали охотничий азарт, чем романтическое увлечение. – Тем более что, глядя на вас, тяжело собраться с мыслями. Того и гляди, ляпнешь какую-нибудь глупость, как влюбленный мальчишка... Поэтому давайте просто выпьем за вас. За вас и еще – за счастливый случай, который свел нас.

Стены номера, частым постояльцем которого являлся Иван Ильич Замятин, слышали из его уст эти самые слова не единожды. Если бы стены могли смеяться или еще хоть как-нибудь выражать свои мысли и чувства, они бы это непременно сделали. Увы, стенам этого не дано, и им оставалось лишь безмолвно наблюдать, как блестящий кавалер идет давно проторенной дорожкой, в сотый раз применяя одну и ту же схему. Схема эта работала безотказно не потому, что была совершенной, а потому лишь, что жертвы Ивана Ильича хотели того же, чего и охотник, и с энтузиазмом сами шли в расставленные им немудреные силки.

Хрустальные бокалы с мелодичным звоном соприкоснулись. Выпив до дна, Иван Ильич протянул руку и привстал, намереваясь пригласить Анну Адамовну на танец, но странная слабость подкосила его колени, сковала язык и заставила опуститься руку. Огоньки свечей затрепетали, расплылись и померкли, а внезапно отяжелевшие веки сомкнулись.

За окном постепенно стемнело. Исчезли из вида, растворившись во мраке, отливающая металлом лента реки и подернутые туманной дымкой заливные луга. Свечи медленно оплывали в бронзовых подсвечниках, роняя на стол горячие стеариновые слезы; хрусталь сверкал и переливался в их теплом, интимном свете. Огонек последней свечи мерцал, то затухая, то разгораясь вновь, а потом и он погас, оставив после себя извилистую струйку белого дыма. Вместе с ним угасли и звуки поздней гулянки на нижнем этаже. В просторном номере стало темно и тихо. Почти полная луна, нескромно заглянув в незанавешенное окно, осветила своим призрачным серебристым сиянием накрытый стол и двух человек, которые по-прежнему сидели в глубоких мягких креслах и, казалось, дремали, застигнутые сном в самый неподходящий момент.

Глава 2

Генерал-майор Главного разведывательного управления Мещеряков плавно притормозил, включил вторую передачу и в точно рассчитанный момент до отказа вывернул руль вправо. Основательно забрызганный дорожной слякотью черный «мерседес», моргая оранжевым огоньком указателя поворота, осторожно, будто на цыпочках, вполз в жерло узкой сводчатой подворотни, что рассекала надвое фасад старого дома на Малой Грузинской, напоминая волчью яму, поджидающую беспечного водителя.

Генералу, как обычно, захотелось зажмуриться, когда левое переднее крыло «четырёхглазого» прошло в опасной близости от шершавой, испещренной продольными бороздами стены. Среди этих борозд имелись автографы, в разное время оставленные тут автомобилем Мещерякова. Это была стена плача внутриквартального значения, обильно политая слезами водителей и инкрустированная частицами краски, содранной с бесчисленного множества автомобилей. Под сводами арки витали призраки десятков изуродованных крыльев, разбитых фар и помятых дверей; это было дьявольское, заколдованное место, в каком только и мог поселиться человек, подобный Иллариону Забродову, с его полнейшим пренебрежением к своим и чужим слабостям и весьма своеобразным чувством юмора.

В свое время, когда был моложе и щеголял в полковничьих погонах, Андрей Мещеряков вел с заколдованной аркой что-то вроде необъявленной войны. Война эта шла с переменным успехом; беда была в том, что арка войны не замечала – ей, в отличие от Мещерякова, было глубоко плевать на количество царапин, оставленных на ее грубо оштукатуренных стенах, тем более что царапины эти в свое время аккуратно заштукатуривались малярами из домоуправления. Арка, как и Андрей Мещеряков, существовала за государственный счет, но, в отличие от него, не имела ни стыда, ни совести, ни самолюбия.

Сегодня, однако, генерал был сильно раздражен против всего мира, в том числе и против себя самого. Ему вовсе не улыбалось в тысячный раз выслушивать дежурные шуточки старого приятеля Забродова, касающиеся арки, шикарных «мерседесов» и их недостаточно квалифицированных водителей, хотя он отлично сознавал, что Илларион кругом прав.

Черный «бьюик» Забродова стоял на своем обычном месте, почти упершись тяжелым бампером в низенькую ограду палисадника. Разбросанные по капоту и крыше желтые и рыжие листья напоминали маскировку, как будто хозяин машины вел среди многомиллионного мегаполиса какую-то свою, частную партизанскую войну. Загоняя служебный «мерседес» на свободный пяточок справа от черного «бьюика», Мещеряков хмыкнул и покачал головой. В Москве полным-полно машин, единоутробные братья и сестры которых состоят на вооружении в различных армиях мира. Но даже при виде катящегося по Новому Арбату звероподобного «хаммера» базовой армейской комплектации у генерала Мещерякова не возникало таких ассоциаций, какие неизменно рождались при одном только взгляде на эту иномарку. Возможно, дело было в том, что он хорошо знал хозяина этой машины. Настоящего бойца узнают по выражению глаз; естественно, говорить о выражении глаз применительно к автомобилю нельзя, и все-таки было в облике этой машины нечто, из-за чего местная шпана обходила ее десятой дорогой.

Выбравшись из-за руля и заперевав машину, Мещеряков без видимой причины попинал носком своего блестящего ботинка тугой задний скат «бьюика». «Бьюик», как обычно, никак на это не отреагировал.

Илларион и его машина давно стали в сознании генерала Мещерякова одним целым, и смотреть на «бьюик» было все равно что разговаривать с Илларионом – и насмешек натерпишься, и дураком себя почувствуешь пять раз на протяжении двух минут, и, что удивительно, душой как-то незаметно отдохнешь – успокоишься, оттаеешь и даже поверишь, пускай и нена-

долго, что все на свете хорошо. Неразрешимых проблем нет, надо только знать, к кому обратиться в трудную минуту. Илларион Забродов был именно таким человеком, и это искупало все его недостатки, которые, с точки зрения человека сугубо штатского, почти наверняка выглядели как неоспоримые достоинства.

Генерал набрал на клавиатуре домофона номер квартиры, нажал кнопку вызова и стал ждать, сунув руки в карманы черного кашемирового пальто и нетерпеливо притопывая носком ботинка. В полуоблетевших ветвях разросшейся сирени у подъезда суетливо копошились и негромко чирикали пронырливые московские воробьи; обманутые солнечной, мягкой погодой голуби, раздувая грудь, с утробным воркованием преследовали своих избранниц, скрежеща коготками по сухому асфальту. Глядя на окрашенную в унылый серый цвет стальную дверь подъезда, Мещеряков с горечью думал о том, что террористам всех мастей удалось-таки привлечь к себе всеобщее внимание и поселить в людских сердцах страх. Обыватель сколько угодно может радоваться новенькой железной двери, которая затрудняет доступ в подъезд мелким квартирным воришкам и любителям мочиться, а то и гадить на лестницах. Но факт остается фактом: эта дверь, как и миллионы ее товарок по всей России, предназначена для защиты не от местных алкашей, которым некуда девать излишки выпитого за углом пива, а от деловитых ребят в рабочих комбинезонах, которые спокойно набивают подвалы жилых домов мешками со взрывчаткой.

Забродов, как обычно, отпер дверь, не удосужившись поинтересоваться личностью визитера. Услышав издаваемый домофоном характерный звук, генерал потянул на себя похожую на железный гриб дверную ручку и вошел в полумрак и приятные запахи подъезда. Соседи у Забродова были все как один приличные, аккуратные и тихие – кто-то в силу полученного в детстве интеллигентного воспитания, а кое-кто, кому упомянутого воспитания не хватило, после краткой разъяснительной беседы с Илларионом Алексеевичем, который обладал ярко выраженным даром внушения и мог доходчиво втолковать свою точку зрения даже самому тупому и наглому из «новых русских». Посему подъезд уже не первый год блистал чистотой и благоухал импортным средством для мытья полов. Сейчас к этому знакомому аромату явственно примешивался вкусный запах стряпни, и чем выше поднимался генерал Мещеряков по истертым ступенькам пологой лестницы, тем сильнее становился, вызывая обильное слюноотделение, сытный дух жарящегося с луком и специями мяса.

Предчувствие его не обмануло: вкусный запах просачивался из квартиры, которую уже много лет занимал бывший инструктор спецназа ГРУ Забродов, и, когда эта дверь распахнулась навстречу генералу, упомянутый запах сделался прямо-таки сногсшибательным. Со стороны кухни доносилось гудение работающей на предельных оборотах вытяжки, а хозяин встретил гостя в кухонном фартуке с изображением голого и чрезвычайно мускулистого мужского торса, а также бедер, лишь слегка прикрытых узенькими плавками. Мещеряков вздрогнул, впад в заблуждение из-за царившего в прихожей полумрака, но тут Забродов включил свет, и у генерала отлегло от сердца: все-таки это был фартук, хотя и довольно дурацкой расцветки, а не голое тело, а значит, Забродов, вопреки многочисленным пессимистическим прогнозам знакомых, по-прежнему пребывал в здравом уме и твердой памяти.

– Кажется, я помешал, – стараясь не слишком откровенно принюхиваться, ворчливо констатировал Мещеряков.

– Отнюдь, – принимая у него пальто, возразил Илларион. – С чего, собственно, ты это взял?

Генерал неопределенно повертел в воздухе ладонью с растопыренными пальцами.

– Ну, как тебе сказать... Не в честь моего же прибытия ты затеял пир!

– А почему бы и нет? – изумился Забродов. – Не каждый день в мою скромную обитель забредают живые генералы! И потом, как, по-твоему, должен я сам чем-нибудь питаться? В

моем возрасте уже неприлично есть тушенку с ножа и разнообразить меню дождевыми червями!

Мещеряков фыркнул и заглянул в гостиную. Здесь все выглядело как обычно: книги, среди которых было немало раритетов, в огромном количестве и кажущемся беспорядке соседствовали с антикварными безделушками и холодным оружием; истыканный ножами толстый липовый спил по-прежнему сомнительно украшал собою противоположную от входа стену, и в нем, по обыкновению, торчали клинки. На этот раз их было три, и посажены они были очень тесно. Остальные ножи грудой лежали на металлическом подносе рядом с любимым креслом Иллариона, наполовину прикрытые развернутой книгой с пожелтевшими, обтрепанными по краям страницами и поблекшим архаичным шрифтом. Ни посторонних людей, ни багажа, который свидетельствовал бы об их недавнем присутствии и скором возвращении, в комнате не наблюдалось. Генерал подавил вздох облегчения: несмотря на заверения Иллариона, кое-какие подозрения у него все-таки оставались, и он был рад убедиться в их беспочвенности. Рита Мещерякову нравилась, поскольку была женщиной приятной во всех отношениях, но сегодня он явился сюда не для дружеской застольной болтовни, а по делу, в которое не имел права посвящать посторонних.

– Убедился, Фома неверующий? – прозвучал со стороны кухни насмешливый голос Иллариона.

Мещеряков быстро оглянулся, уверенный, что Забродов, по своему обыкновению, неслышно подкрался сзади, но прихожая была пуста, и в открытых дверях кухни тоже никто не маячил.

– У нее опять какие-то дела, – донеслось оттуда, – так что можешь не шифроваться. Хотя, поверь на слово, мне было бы куда приятнее увидеть ее, чем тебя.

– Нас на бабу променял, – констатировал генерал и, сунув руки в брюки, направился на кухню, поближе к источнику умопомрачительного запаха.

– Променял, променял, – сидя на корточках и пытливо заглядывая в приоткрытую духовку, согласился Илларион. – Почему бы и нет? Готовить ты толком не умеешь, в постели от тебя никакого проку... Да что там! Ты в зеркало-то смотришься хоть иногда? Куда тебе с твоей генеральской рожей до Риты! Я уж не говорю о том, – торопливо добавил он, лишив Мещерякова возможности вставить ядовитую реплику по поводу его собственной внешности, – что ты, как некоторые телеведущие, появляешься только для того, чтобы рассказать мне очередную гадость.

– Какая муха тебя сегодня укусила? – спросил слегка обескураженный этой отповедью генерал.

Вопрос был не праздный. Илларион сильно преувеличивал, говоря, что Андрей Мещеряков заглядывает к нему только по делу. Количество деловых и просто дружеских визитов генерала к старому приятелю было примерно одинаковым, и он льстил себя надеждой, что умеет достаточно хорошо владеть собой, чтобы о цели его прихода нельзя было догадаться прямо с порога. И вдруг такая встреча... Или Илларион расстроен отсутствием Риты гораздо сильнее, чем стремится показать? А может, они поссорились?

– Вы что, поссорились? – спросил он, не дождавшись ответа на риторический вопрос о мухе.

– Не дождешься! – с явным удовольствием ответил Забродов и потащил из духовки дымящийся противень. – Просто у тебя по телефону был такой голос, что сразу стало ясно: либо случилась очередная неприятность, либо тебя вызвали на ковер и вставили толстенный фитиль. Либо, – заключил он, водружая противень на стол, – эти два явления последовали одно за другим с небольшим промежутком.

Он выглянул в окошко, которое выходило во двор; лица его генерал не видел, но был готов поклясться, что этот негодяй ухмыляется самым наглым и оскорбительным образом.

– Так и есть, – подтверждая догадку, заявил Забродов. – Ты настолько выбит из колеи, что рискнул в одиночку пересечь пролив между Сциллой и Харибдой и собственноручно загнал своего «мерина» ко мне во двор. Безумству храбрых поем мы песню!

– Да пошел ты! – огрызнулся генерал. – Тебе все шуточки! А у нас действительно...

– Стоп! – быстро перебил его Илларион. – Ни слова больше! Сначала лекарство. – Он в два счета закончил нехитрый процесс сервировки и водрузил на стол непечатую бутылку коньяка. – Выпей, закуси и только после этого можешь говорить. А то в тебе сейчас столько яду, что ты мне им все мясо забрызгаешь.

Мещеряков с сомнением, будто и впрямь опасался отравы, покосился на коньяк.

– Вообще-то я за рулем, – сказал он. – И на службе.

– Как хочешь, – пожал плечами Забродов. – Только учти: мяса без коньяка ты не получишь. Хочешь попусту переводить хорошие продукты – ступай в столовую управления и там запивай шашлык компотом. А заодно рассказывай свои душещипательные истории кому-нибудь другому.

– Все-таки сволочь ты, Забродов, – с чувством произнес генерал.

– Просто вызовешь водителя, и все, – раскладывая мясо по тарелкам, невозмутимо откликнулся Илларион. – На что еще нужны генеральские погоны?

Мещеряков крикнул и присел к столу, с шумом подвинув тяжелый табурет. Забродов с понимающей улыбкой поставил перед ним тарелку и плеснул в стакан на палец коньяку.

– А лимон? – попробовал закапризничать генерал.

Как и следовало ожидать, он не на таковского напал.

– А лимон получишь на светском рауте, – пообещал Забродов. – Давай жри, твое превосходительство! Для кого я старался? Закусывай, чтобы плакать мне в жилетку не просто так, а по существу, с толком и расстановкой...

Мещеряков многозначительно покосился на его «жилетку», то бишь на фартук с изображением атлетического торса. Илларион крикнул, снял фартук и, бросив его на подоконник, налил себе коньяку.

Они выпили не чокаясь и молча приступили к еде. Энергично жуя истекающее ароматным соком мясо и ощущая, как коньяк потихоньку согревает внутренности, генерал вдруг почувствовал, что это именно то, в чем он нуждался на протяжении последних нескольких дней. Не то чтобы его все это время не кормили и не поили, но только здесь, на тесноватой забродовской кухне, он неожиданно для себя получил от еды и выпивки нормальное человеческое удовольствие. Возможно, причиной тому было наложенное Илларионом табу на разговоры о деле во время еды, а может быть, виноват был сам Забродов, один вид которого внушал уверенность в благополучном исходе любого предприятия. На какой-то миг Мещеряков опять разозлился. Ну что это такое, в самом деле! Он ведь как-никак генерал, а не заблудившийся малыш, наконец-то повстречавший в лесу доброго дядю, который может отвести его домой! Но Илларион, по-прежнему не говоря ни слова, плеснул ему еще немного коньяку, и генеральское раздражение благополучно растворилось в содержимом стакана.

– Итак, – произнес Илларион в тот самый момент, когда Мещеряков осознал, что сыт и почти доволен жизнью, – что у нас стряслось на этот раз? Иными словами, как зовут твои неприятности?

– Замятин, – без предисловий откликнулся генерал.

– Иван?

Забродов никогда не забывал людей, с которыми виделся хотя бы раз, а поскольку Иван Ильич Замятин неоднократно проходил под его руководством различные спецкурсы, шлифуя боевые навыки, которыми пока ни разу не воспользовался, Илларион знал о нем все, что один разведчик может знать о другом. Та часть послужного списка полковника Замятина, о которой был осведомлен Забродов, надежно хранилась в его памяти, и Мещеряков не сомневался, что

нужный файл уже извлечен из запрятанного в голове приятеля архива, бережно обтерт от пыли и бегло прочтен.

– Никогда не доверял красавчикам, – подтверждая его догадку, сообщил Забродов. – Ну и что он натворил?

– Умер, – вздохнул генерал. – Точнее, убит.

* * *

Серебристый «мерседес», который с некоторых пор начал казаться своему хозяину чересчур демократичным, плавно затормозил у парадного входа в построенное из стекла и бетона здание, когда-то считавшееся суперсовременным, а сейчас вызывавшее скуку и раздражение. Водитель выбрался из машины и, обойдя ее кругом, распахнул заднюю дверь. На иссе-ченный трещинами асфальт ступила нога в модном полуботинке и темной брючине с метал-лическим отливом. Вслед за этой конечностью, вид которой говорил если не о настоящем богатстве, то как минимум о давно вошедшем в привычку достатке, из «мерседеса» появился невысокий, уже начавший полнеть и лысеть гражданин лет тридцати с небольшим. Налетевший со стороны реки прохладный ветер взлохматил редкие бесцветные волосы, которыми их владе-лец тщетно пытался замаскировать проклюнувшуюся на темечке плешь, и погнал по асфальту случившуюся поблизости обертку от мороженого. Около бордюра темнела схваченная ночным заморозком и до сих пор не оттаявшая лужица. Бурый от пыли лед казался шершавым, как абразивный камень. Пассажир серебристого «мерседеса» с явным неудовольствием покосился на эту визитную карточку приближающейся зимы и, обернувшись, коротко бросил водителю:

– Чемоданы домой отвези. Жду тебя через полтора часа.

Водитель кивнул, сел за руль и укатил, обдав стоящего на бровке тротуара хозяина теп-лым белым дымком из выхлопной трубы. Молодой человек проводил его взглядом и, помянув «немытую» Русь, стал неторопливо подниматься по пологим ступеням широкого бетонного крыльца. Его звали Игорь Климов, и в свои тридцать два года он был одним из двух соучре-дителей акционерного общества «Бельведер», делавшего бизнес на поставках и розливе фран-цузского виноматериала. Игорь Витальевич только что прилетел в Москву из жарких стран, где провел двухнедельный отпуск, и пребывал по этому поводу не в радужном настроении. Возвращаться из пятизвездочных тропиков в пыльную холодную Москву не очень-то приятно, но дело было не в этом – точнее, не только в этом. Отдельные аспекты бизнеса, который они с партнером создали своими руками буквально из ничего, с некоторых пор начали тяготить Климова. Партнер входил во вкус, и ситуация, которая с самого начала казалась Игорю Вита-льевичу довольно двусмысленной, усугублялась. Если все продолжало идти так, как оно шло перед отъездом, сейчас дело могло зайти очень далеко. Климов не знал, как исправить ситуа-цию: их партнерство считалось равноправным, но, когда доходило до дела, переубедить в чем бы то ни было Виктора Мухина, по кличке Муха, оказывалось невозможно.

Затеянная Мухой афера, которую тот скромно именовал деловой операцией, конечно же, приносила прибыль, и притом немалую. Но в погоне за деньгами Муха рисковал репутацией фирмы – той самой безупречной репутацией, которую они рука об руку создавали на протя-жении долгих трех лет и на которой, собственно, и держалось все дело. Одного скандала было достаточно, чтобы их бизнес завалился как карточный домик, а Мухин, будто нарочно, лез на рожон, все время увеличивая объемы левых поставок.

Поэтому, возвращаясь из отпуска, Игорь Климов ожидал любых сюрпризов. Конечно, ему не следовало уезжать. Но что изменилось бы, останься он в Москве? Повлиять на Муху – дело немыслимое, невыполнимое. Пытаясь это сделать, Игорь Витальевич мог попасть в пси-хиатрическую лечебницу с диагнозом «нервный срыв», а то и «острый психоз» – на почве, сами понимаете, нервного истощения и постоянного стресса.

Втиснувшись в битком набитый лифт, Климов поднялся на шестой этаж, где располагался офис их фирмы. За три года они с Мухой сколотили приличный капитал и даже обзавелись собственными производственными мощностями, выкупив и переоснастив обанкротившийся провинциальный заводик. Теперь они были солидные бизнесмены, законопослушные налогоплательщики и щедрые работодатели, благодаря которым без малого две сотни жителей захолустного Пескова имели приличную, хорошо оплачиваемую работу. Но головной офис солидного предприятия по-прежнему располагался здесь, на шестом этаже старого административного здания, только занимал он теперь не одну комнату, как вначале, а три и обставлен был по последнему писку дизайнерской моды, тогда как прежде им приходилось довольствоваться парой шатких, так и норовящих развалиться в руках стульев да письменным столом, который помнил Брежнева, а может, еще и Хрущева.

Толкнув украшенную солидной медной табличкой дверь, Климов очутился в приемной, где был восторженно встречен секретаршей. Секретарша сочетала в себе модельную внешность (требование Мухина), а также грамотность и профессионализм, что представлялось небезопасным самому Игорю Витальевичу. Перебросившись с ней парой слов и вручив привезенный из заморских краев сувенир, соучредитель фирмы «Бельведер» вошел в кабинет, который традиционно делил с партнером.

Партнер сидел, целиком заполняя просторное «директорское» кресло своей мускулистой, уже начавшей заплывать жирком тушей, и, по обыкновению, тасовал карты на экране компьютера. В зубах у него дымилась тонкая сигара, а возле левой руки стоял стакан с виски, куда этот доморощенный сибарит время от времени обмакивал кончик сигары. Широкие покатые плечи бывшего боксера-тяжеловеса обтягивала белоснежная рубашка, распахнутый ворот которой позволял всем желающим оценить толщину висящей на шее золотой цепи, на макушке торчал ежик темных жестких волос. Сидя за компьютером и раскладывая пасьянс, совладелец «Бельведера» Виктор Анатольевич Мухин выглядел просто бездельничающим быком – охранником, решившим в отсутствие хозяина посидеть в его кресле.

Это был как раз тот случай, когда форма полностью соответствует содержанию. Муха и был бык – по крайней мере, в прошлом, – и годы занятий легальным бизнесом ничуть не сказались на его внешности и манерах. Его замашки коробили Климова, но во многих ситуациях Муха был буквально незаменим. Правда, теперь, когда такие ситуации случались все реже и реже и острая нужда в нем отпала, вчерашний бандит, увы, уже являлся полноправным партнером Климова. Они срослись, как сиамские близнецы, и разделить их без крови не было никакой возможности. Игорь Витальевич догадывался, чья именно кровь прольется в этом случае, а потому не смел даже мечтать о том, чтобы избавиться от Мухи.

Увидев остановившегося на пороге партнера, Муха сунул сигару в пепельницу, отодвинул стакан и встал, улыбаясь во всю ширину своей круглой смугловатой физиономии и заранее отводя ладонь для рукопожатия.

– Какие люди! – трубно возгласил он. – И без охраны! Ну, здорово, курортник!

Их ладони с треском сошлись в крепком рукопожатии – настолько крепком, что Климов, как обычно, с трудом подавил болезненный возглас. Муха обхватил его свободной рукой за плечи, усадил на диван, и Климов опомниться не успел, как в руке у него очутился квадратный стакан с виски.

– Ну, рассказывай, – потребовал выглядевший искренне обрадованным Мухин, – как там, на Гоа?

– Тепло, – пожал плечами Климов.

– И мухи не кусают! – со смехом подсказал Муха.

– Это точно, не кусают.

– Ладно, мух там, допустим, нет. А что есть?

Климов снова пожал плечами.

– Море, – сказал он. – Пальмы. Песок. Да что рассказывать? Как будто ты в пятизвездочных отелях не был!

– На Гоа я не был.

– Ну и что? Отель – он и в Африке отель. Скажи лучше, каковы наши дела?

Мухин присел на краешек стола и с энтузиазмом, который показался Климову сильно преувеличенным, отхлебнул из стакана.

– Что дела! – легкомысленно отмахнулся он. – Дела, Игореша, как я тебе и обещал, лучше всех. Месяц закрыли с прибылью, да с какой! Точные цифры я сейчас не помню, но поверь: увидишь финансовый отчет – ахнешь. Это же сказка! Золотой дождь! Кстати, хорошо, что ты вернулся. Надо бы денег перевести, рассчитаться с поставщиками...

– С какими? – сразу поскуцнев, спросил Климов, в свое время отвоевавший себе право решающего голоса в финансовых вопросах и теперь, хоть убей, не знавший, что ему с этим правом делать и, главное, как его реализовать.

– Да со всякими! И с французскими, и с грузинскими...

– Опять с грузинскими? – кисло переспросил Игорь Витальевич.

– Ну а как же? – изумился Муха. – Товар они поставили? Поставили. Бабки мы им должны? Должны! Надо заплатить, а то люди обидятся.

– Что ты называешь товаром? – со вздохом поинтересовался Климов. – Ох, смотри, Витя, доиграешься ты со своими грузинами! Сам погоришь и меня за собой потащишь. Ну на кой черт тебе все это понадобилось?

– Как это «на кой черт»? – снова изумился Муха. – Ты бы еще спросил, на кой черт мы вообще работаем. Ради денег, конечно! Ты не ленись, загляни в финансовый отчет!

– Да уж не сомневайся, – вставил Климов.

– Загляни, загляни. Это же живые, реальные деньги! Причем, считай, из воздуха.

– Вот это мне и не нравится, – признался Климов с решимостью, которую накапливал на протяжении всего отпуска.

– Что тебе не нравится? – наконец-то перестал улыбаться Муха. – Деньги тебе не нравятся? Или ты опять со своими бреднями? Ты, Игорек, не первый год в бизнесе, пора уже перестать быть теленком. Хочется тебе быть честным? Ну и будь себе на здоровье! Налоги мы платим, претензий от потребителей нет, так в чем дело?

– Нет, так будут, – упрямылся Климов. – Вот хватанет твоей грузинской бурды какой-нибудь знаток, и будут тебе претензии. Да еще какие! И сам подставляешься, и французских партнеров подставляешь.

– А по мне, так грузинская бурда ничем не хуже французской, – хладнокровно парировал Муха.

– А русская водка и того лучше, – с сарказмом подхватил Климов. – Ты по себе не суди, ты его, вина этого, поди, сроду не пробовал, а если пробовал, так ни черта не разобрал. А вино тонкое, с именем, и знающий человек тебе по одному запаху скажет: вот это оно, родимое, а это – помои, которые какой-то пройдоха в бутылку с фирменной этикеткой залил.

– Так уж и помои, – проворчал слегка обескураженный непривычной напористостью обычно покладистого компаньона Мухин. – Нормальное вино... Да ладно, я в университетах не обучался, а потому спорить с тобой не стану. Я тебе о другом толкую: товар получен, а деньги не выплачены. Что ты мне предлагаешь – кинуть их, да? Кинуть?

Климов вместо ответа лишь неопределенно дернул плечом.

– Ты хотя бы представляешь, о ком идет речь? – не унимался Муха. – Это ж кавказцы! У них вместо крови кипятки, чуть что не так – сразу за нож хватаются!

– Об этом раньше надо было думать, – проворчал Климов.

Ему сейчас же подумалось, что эти слова относятся к Мухе столько же, сколько и к нему самому. Да, контакт с грузинами наладил Муха – с кем-то он там вместе сидел или, как он

сам выражается, чалился, – вот и снюхался, когда нужда приперла, со старым корешем. И этого мутного француза с его не до конца проясненной шарашкиной конторой разыскал тот же Муха – опять же, через каких-то своих корешей, которые свалили за бугор, не дожидаясь, пока на родине их возьмут за штаны. Но все это делалось с ведома и полного одобрения Климова; да что там, это делалось едва ли не по его личной инициативе. Время тогда было тяжелое, фирма едва начала вставать на ноги, а тут вдруг подвели французские поставщики – что-то такое у них там возникло не то на производстве, не то в пути, не то на таможне. Как бы то ни было, ожидаемый груз задерживался на неопределенное время, контракты с торговой сетью горели синим пламенем. Для молодой фирмы это был полный крах, банкротство, финансовая смерть, и вот тогда-то в светлой голове Игоря Климова родилась спасительная идея: а что, если под видом одного вина продать торгашам другое, более дешевое и, главное, доступное? В России как раз ввели запрет на реализацию грузинских вин, так что решение лежало на поверхности, и незаменимый Муха, как только ему растолковали, что от него требуется, провернул все с волшебной быстротой.

Тот первый раз действительно больше всего напоминал аферу – наглую, скверно продуманную, предпринятую на авось людьми, которым нечего было терять. В тот раз им повезло, но Климов еще долго вздрагивал и нервно озирался при одном воспоминании о той, с позволения сказать, торговой операции. А месяцы спустя совершенно случайно выяснилось, что канал поставок дешевого грузинского виноматериала вовсе не закрылся после того случая, что система розничной продажи под видом тонкого бургундского напитка отлажена, как механизм швейцарского хронометра, и отменно функционирует и что во всей фирме не знает об этом, наверное, один только ее основатель, Игорь Витальевич Климов...

Надо отдать должное Мухе: левых доходов он от компаньона не утаивал, и то обстоятельство, что Климов, экономист с высшим образованием, так долго воспринимал эти добытые мошенническим путем деньги как должное, не подозревая об их происхождении, красноречиво свидетельствовало об организаторском таланте Мухина. Цистерны с грузинским вином прибывали на российскую таможню уже с французскими товарно-транспортными накладными, которые выглядели совсем как настоящие, а может быть, и являлись таковыми на самом деле. Усатые смуглые водители, почти не понимавшие по-русски, с одинаковым успехом могли оказаться как грузинами, так и уроженцами юга Франции; проплаченный Мухой коридор на границе работал так хорошо, что вопрос о происхождении не только самого вина, но даже и людей, сидевших в кабинах мощных тягачей, никем не поднимался.

К слову, последнее обстоятельство показалось Климову совсем уж загадочным. Он навел справки, и оказалось, что все это проще пареной репы: водители были свои, русские, с надлежащим образом оформленными ОВИРом загранпаспортами и визами. Это лишний раз доказывало, что Муха умеет работать и понапрасну не рискует. Вот только то, чем он занимался, не нравилось Игорю Витальевичу все больше...

– Пора завязывать, Виктор, – сказал он. – У нас легальный бизнес, а тебе все нейдет. Сядем ведь!

– Так уж и сядем, – лениво возразил Мухин. – Да если даже и сядем, что с того? Мы ж русские люди! От суммы да от тюрьмы...

– Да пошел ты, – раздраженно отмахнулся Климов. – Не знаю, может, для тебя тюрьма – дом родной, а я по твоей милости на нары отправляться не хочу.

– Ты выражения-то выбирай, курортник, – набычился Мухин. – Я тебе не сямка копеечная, а равноправный компаньон. А если ты такой порядочный, подумай сам своей ученой головой: товар поступил, он уже в работе, а может, и в торговле, не знаю. За него платить надо, Игорек, что бы ты об этом ни думал. Грохнут ведь, чудило ты гороховое! И никто не узнает, где могила твоя.

– Ты меня не пугай, – огрызнулся Климов.

Остатки отпускного настроения улетучились, и он поймал себя на новом, непривычном чувстве: впервые в жизни ему остро хотелось убить человека, и не кого попало, а Муху.

– Почему это, собственно, ты о моей могилке заговорил? Ты с ними дела ведешь, тебе и разбираться!

– А платежные документы кто подписывает? – вкрадчиво напомнил Мухин. – Ты, Игорек! Не подпишешь – с тебя и спрос. Ты только не подумай, что я тебя пугаю или там шантажирую. Мне ведь тоже мало не покажется! Если что, закопают рядом. Это бизнес, братан. Нет, если хочешь, можем, конечно, и соскочить. Хотя денег, не скрою, жалко. Но ты прав, спокойный сон важнее. Только соскакивать, Ига, на полном ходу нельзя. Так ведь недолго и шею сломать. Сперва притормозить надо, свернуть дела, рассчитаться по долгам... Ну, как иначе-то? По-другому, хоть поперек себя ляг, бизнеса не сделаешь!

– Хорошо, – вздохнул Климов, – заплатим. Но учти, это в последний раз!

– Да понял я, понял, – закивал Мухин, ловко выхватывая откуда-то документы, которые, как оказалось, были у него наготове. – Конечно, в последний. Как скажешь. Ты начальник, я дурак... Давай подписывай, а то они уже звонили. Беспокоятся джигиты!

Климов бегло просмотрел документы, бросил на компаньона косой недовольный взгляд и, подсев к столу, начал размашисто подписывать бумагу за бумагой. Сосредоточившись на этом ответственном деле, он не замечал тяжелого, многообещающего взгляда, которым смотрел на него Виктор Мухин.

Глава 3

В неотапливаемой каморке с дощатыми стенами, низким скошенным потолком и единственным подслеповатым окошком с заросшими копотью и пыльной паутиной стеклами было промозгло и сыро. Снаружи в окошко постукивал редкий косой дождь, в щелях шепеляво посвистывали сквозняки. Свисавшая с изъеденной шашелем потолочной балки голая лампочка на грязном витом шнуре разливала по помещению слабенький грязновато-желтый свет, который на равных соперничал с сумеречным полусветом угасающего дня. По углам и под мебелью залегли глубокие мохнатые тени; паутина на окошке подрагивала и колыхалась на сквозняке, который пригибал книзу танцующий синеватый огонек горевшей на столе спиртовки.

На криво приколоченной к стене самодельной полке тускло поблескивала стеклом и фарфором скверно отмытая химическая посуда – колбы, пробирки, чашки Петри, тигли. Недостаток специальной посуды компенсировался обычными стаканами и парой надтреснутых фаянсовых чашек с отбитыми ручками. Композицию завершали старые аптекарские весы с побитым ржавчиной никелированным коромыслом; коричневого стекла банки с химическими реактивами стояли на сто раз прожженном химикатами, исцарапанном подоконнике.

Клим Зиновьевич Голубев сидел на шатком табурете и, горбясь, прикрывал ладонями от вездесущего сквозняка пугливое пламя спиртовки, на которой в чашке Петри выпаривался какой-то белесый раствор. На нем был старый солдатский ватник, покрытый пятнами самого разнообразного вида и происхождения, а местами и прожженный до дыр все теми же едкими химикатами. От ревматизма Клим Голубев спасали старые валенки с галошами, а плешивую, формой напоминающую огурец голову прикрывала замызганная лыжная шапочка того фасона, что был модным в начале семидесятых годов прошлого века – с козырьком, помпоном и широкими полями, которые, будучи отвернутыми книзу, образовывали что-то вроде лыжной маски. На руках у него были старые вязаные перчатки с обрезанными пальцами; в одной из них дымилась сигарета без фильтра, другая сжимала стеклянную палочку, которой время от времени помешивала выпариваемый раствор.

За спиной у него с протяжным скрипом и треском распахнулась дверь. Мгновенно усилившийся сквозняк задул огонек спиртовки, в каморку потянуло теплом и запахом жареных грибов. Когда-то давно Климу Голубеву повезло – пожалуй, единственный раз в жизни: получив на сдачу лотерейный билет, он выиграл морозильную камеру. Теперь в сезон они забивали камеру грибами, которые нельзя было ни засушить, ни засолить, ни замариновать – сыроежками, подберезовиками и тому подобным грибным мусором, – и на протяжении всей зимы мороженные грибы наряду с грибами солеными, сушеными, маринованными и законсервированными в жире являлись одним из основных элементов семейного рациона. Грибы опостытели Климу Зиновьевичу давно и основательно, их запах автоматически ассоциировался у него с нищетой и вызывал злобу. Он честно, до последней копейки, отдавал жене зарплату – пускай небольшую, но и не настолько маленькую, чтобы на нее не могли нормально прокормиться три человека. При этом мяса он практически не видел, ходил в обносках и все время выслушивал сварливые жалобы на отсутствие денег. Ну, вот куда, спрашивается, она их деваает? Одета как огородное пугало, косметикой не пользуется, продукты не покупает и даже не пьет, а деньги уходят, как вода в песок. Солит она их, что ли?

– Там в зале опять с потолка капает, – раздался со стороны дверей привычно недовольный голос дочери. – Mamka говорит, чтоб ты поглядел.

– Чего глядеть-то? – не оборачиваясь, огрызнулся Клим Зиновьевич. – Что я, воды не видел? Глядеть нечего, крышу латать надо.

– Вот и залатай бы, – заявила дочь.

– А чем я ее залатаю? – чиркая спичкой о коробок и снова поджигая фитилек спиртовки, резонно возразил Голубев. – Штаны с себя сниму и на конек присобачу? Да и некогда мне. Через час на работу, во вторую.

– Так то через час, – сказала дочь. – А оно капает и капает. А ты сидишь. А мамка злится.

– Да пускай хоть лопнет от злости, – бесцветным голосом равнодушно произнес Клим Зиновьевич. – И ты с ней за компанию. Сидишь... Делом я занят, неужели не понятно?! Опыты ставлю!

– О-о-опыты, – с невероятным презрением протянула дочь. – Химик. Лучше бы новые джинсы мне нахимичил, ученый.

Клим Зиновьевич открыл рот и даже обернулся, чтобы призвать зарвавшуюся наследницу к порядку, но дверь уже захлопнулась с такой силой, что с потолка посыпался мелкий мусор, а огонек спиртовки снова погас.

Голубев принялся терпеливо чиркать спичкой о разломаченный коробок. Его душила не находящая выхода злоба, и руки тряслись так, что ему не сразу удалось зажечь спиртовку. Дочь! Родная кровь! Ну ладно, жена еще может иметь к нему какие-то претензии по поводу своей якобы загубленной молодости и несложившейся жизни. Хотя, если разобраться, кто виноват? Вышла бы за местного бездельника и жила в свое удовольствие – терпела пьяный мат и побои, тащила бы семью на своем горбу и каждый год рожала зачатых по пьянке дебилов. Но нет, ей понадобился перспективный жених с образованием! Так чего ж теперь жаловаться? Да, жизнь сложилась совсем не так, как он планировал, но ведь в этом есть немалая доля и ее заслуги! Вместо того чтобы в трудную минуту подставить мужу плечо, помочь, поддержать, она всю жизнь только и делала, что ныла, вздыхала да канючила, пилила и грызла... А что ей еще делать, на что тратить энергию, если за все это время она, считай, и года не проработала?

Но жена – это ладно, к этому Клим Голубев давно притерпелся. А дочери что не по нутру? Джинсов новых не хватает? Так пойди и заработай себе хоть на джинсы, хоть на помаду, хоть на лимузин с откидным верхом! Понюхай, чем они пахнут, честно заработанные денежки, а после уж и требуй чего-то, если силы еще останутся что-то там требовать... Да и вообще, кто дал этой соплячке право так разговаривать с отцом?!

Дверь у него за спиной снова открылась. Клим Зиновьевич был к этому готов – подобные сцены происходили в его доме регулярно и всегда разыгрывались по одному и тому же сценарию.

– Сидишь? – раздался скрипучий, как ржавая дверная петля, голос его законной супруги. – Дом на глазах разваливается, а хозяин и в ус не дует!

– То-то, что хозяин, – регулируя пламя спиртовки, парил Голубев. – Мой дом, что хочу, то и делаю. Захочу – с кашей съем, захочу – продам, а захочу – сгною к такой-то матери вместе с тобой, язвой прободной.

– Я говорю, крыша течет, – оставив без внимания намек на свое весьма шаткое имущественное положение, сообщила жена. – Уже все тазики полны! Делать что-то надо, а ты сидишь тут, как дитя малое, со стекляшками играешь!

– Не играю я, – сдерживаясь, сказал Клим Голубев. Ему было все равно, что говорить: процесс выпаривания близился к завершению, и прервать его он не согласился бы, даже случись в Пескове землетрясение, извержение вулкана и цунами – все сразу, одновременно. – Сказано же вам, дурам: делом я занят, опыты ставлю!

– Да кому они нужны, твои опыты! От твоих опытов дырка в крыше не зарастет, телевизор не починится и в холодильнике не прибавится! Опыты у него! Бездельник ты, дармоед, черт меня дернул с тобой связаться! Чтоб ты сдох тут со своими опытами!

Клим Зиновьевич вздрогнул. Несмотря на то что психологический климат в семье уже много лет был, мягко говоря, неблагоприятным, а говоря попросту, трудно переносимым, подобное пожелание от своей законной половины он сподобился услышать впервые, и оно

ранило его тонкую натуру неожиданно глубоко и больно. Клим Голубев, как и большинство из нас, полагал себя хорошим человеком – пусть с отдельными недостатками, но в целом вполне приличным, положительным и в высшей степени безобидным. Посему желать ему, хорошему человеку, сдохнуть мог только враг. А поскольку дочь, которая, разумеется, все слышала, не перечила жене ни единым словом, она, надо думать, была с ней солидарна и тоже желала родному отцу смерти. Что ж, как аукнется, так и откликнется.

Жена все не уходила – скрипела, брюзжала, сравнивая его то с половой тряпкой, то с дыркой от бублика, чего-то требовала и даже, кажется, чем-то грозила. Клим Зиновьевич ее не слушал, целиком сосредоточившись на деле, которым занимался. Вода в чашке Петри выкипела полностью, оставив после себя щепотку беловатого кристаллического вещества. Голубев погасил спиртовку, достал из ящика стола два квадратика заранее нарезанной вошеной бумаги и, бережно орудуя стеклянной лопаткой, разделил порошок на две равные доли. Каждую из них он пересыпал на бумагу, а бумагу аккуратно свернул конвертиком, наподобие тех, в которых когда-то продавались порошки от простуды и кашля. Супруга не обращала на его манипуляции ни малейшего внимания – для нее это была пустая забава, глупое времяпрепровождение, вроде коллекционирования марок или игры в оловянных солдатиков.

Клима Зиновьевича такой подход жены вполне устраивал. Аккуратно уложив оба пакетика в глубокий карман брюк, он принялся невозмутимо наводить на столе порядок. Решив, что муж прекратил возню с пробирками под воздействием ее пламенных речей, супруга временно удовлетворилась победой и покинула каморку, которую Голубев именовал лабораторией. Задумчиво глядя в окно, химик-любитель выкурил еще одну сигарету, а потом, встрепенувшись, вернулся к наведению порядка в лаборатории.

Расставив все по местам, вымыв посуду и протерев грязноватой тряпкой испещренный следами пролитых химикатов стол, Клим Зиновьевич снял и повесил на гвоздь у двери солдатский ватник, переобулся из валенок в потертые домашние тапочки, толкнул обитую старым, в серых клочьях вылезшей ваты, дерматином дверь и очутился в тепле и относительном уюте своего дома. Беспрепятственно распространявшийся по всем комнатам синеватый кухонный чад лип к коже и омерзительно благоухал жареными грибами. В утробе растрескавшейся русской печки негромко постреливали гнилые доски; за годы и десятилетия этого добра во дворе у Голубевых скопилось столько, что Клим Зиновьевич не считал необходимым тратить на дрова. Правда, тепла они давали мало и зимой в доме было прохладно, зато такое топливо вообще ничего не стоило – ступай на задний двор и бери, сколько унесешь, – а его использование позволяло заодно хотя бы отчасти разгрести мусорные завалы на участке, что также ставилось Голубевым себе в заслугу.

Из большой комнаты доносился частый перестук падающих в подставленные тазы и кастрюли капель. Там бормотал включенный телевизор и слышалось ворчание жены, которая, не имея под рукой иного оппонента, сварливо переругивалась с диктором. Откуда-то появилась дочь, молча, даже не удостоив взглядом, обогнула стоявшего на дороге отца и скрылась в своей комнате, независимо хлопнув дверью. Клим Зиновьевич улыбнулся. Сейчас он мог с улыбкой стерпеть что угодно, поскольку принятое решение наполняло его душу покоем и безграничным терпением.

Стараясь не скрипеть половицами, он прошел на кухню. Сковорода с грибами еще дымилась, но уже была снята с огня. Воровато оглядевшись, Голубев извлек из кармана брюк один из двух пакетиков и высыпал его содержимое в сковородку. Хорошенько перемешав грибы, он старательно разровнял их ложкой и уже сунул было ее в рот, чтобы по привычке облизать, но спохватился и без стука положил на край сковороды – так же, как она лежала до его прихода.

Выходя из кухни, он столкнулся с женой.

– Есть будешь? – спросила она неприветливо.

– Не хочу, – так же неприветливо ответил он. – Сыт я по горло твоими грибами!

– И то правильно, – с ядовитой покладистостью согласилась жена, – на обед еще заработать надо.

– Много вы зарабатываете, – буркнул он и пошел переодеваться перед уходом на работу.

Беря из-под навеса велосипед, он слышал, как жена своим пронзительным голосом зовет дочь к столу.

– Поглядим, кто раньше сдохнет, – вполголоса произнес Клим Зиновьевич.

Выйдя за калитку, он оседлал велосипед и покатил знакомой дорогой в сторону завода. По его лицу стекали струйки дождевой воды, но ушедший в себя Голубев не замечал этого неудобства. Глаза его были пусты, а на губах играла загадочная улыбка.

* * *

Коротко блеснув в скупом сереньком свете ненастного осеннего дня, тяжелый нож с тупым стуком вонзился в середину висевшего на стене липового спила. За ним почти без паузы последовал второй, воткнувшийся в мишень так близко от первого, что клинки, соприкоснувшись, издали короткий скрежещущий звук и завибрировали в унисон.

– Скучно, – ни к кому не обращаясь (поскольку, кроме него, в квартире никого не было), вслух сообщил Илларион Забродов и отложил в сторону готовый к броску нож.

За окном барабанил холодный осенний дождь. Звук был какой-то такой, что сразу чувствовалось: это надолго. Выходить из дома не хотелось, да и нужды в этом не было. Рита опять не приехала, и даже Андрей Мещеряков куда-то запропастился – надо полагать, отправился в служебную командировку, спасать мир или просто наводить трепет на командование и личный состав подразделений, удостоенных высокой чести принять явившегося с проверкой столичного генерала. Это тоже было скучно, хотя в отсутствии Мещерякова Иллариону виделись некоторые плюсы. Ну, был бы он в Москве, ну, позвонил бы или, хуже того, приехал, и что, позвольте узнать, Илларион мог бы ему сказать? Извини, Андрюха, ничего я не нашел и найти уже не надеюсь, – вот примерно так и ничего сверх того.

Версий в деле об убийстве полковника ГРУ Замятина с самого начала было много, и отрабатывали их серьезные профессионалы – так, по крайней мере, утверждал Мещеряков. У Иллариона не было оснований не верить его словам. Полковника нашли мертвым в номере, который он занимал в подмосковном доме отдыха «Рябинка», где останавливался всякий раз, когда ненадолго приезжал в Россию из своих бесконечных зарубежных командировок.

Вместе с полковником в его номере умерла некая дамочка балзаковского возраста – надо полагать, его очередная пассия. Иван Ильич Замятин никогда не скрывал, что питает определенную слабость к противоположному полу, но в похождениях своих неизменно соблюдал должную осторожность. Все было шито-крыто, даже когда была жива его супруга, а уж после ее смерти любовные похождения полковника Замятина и вовсе перестали интересовать кого бы то ни было, кроме него самого.

Со слов Мещерякова Илларион составил себе предельно ясное представление о картине преступления. Убитые сидели за столом, сервировка которого свидетельствовала о намерениях Замятина не менее ясно и откровенно, чем обнаруженная в кармане его пиджака упаковка презервативов. На этом столе имелось все, что нужно для обольщения: роскошный букет роз, нетронутая ваза с фруктами, коробка шоколада, к которой тоже никто не притрагивался, откупоренная бутылка дорогого французского вина и несколько огарков в тяжелых бронзовых подсвечниках, которые в начале романтического свидания, несомненно, были свечами.

Полковник и его подруга успели выпить всего по одному бокалу вина, после чего, судя по всему, тихо, быстро и безболезненно умерли. Вскрытие показало, что причиной летального исхода в обоих случаях стала остановка сердца; если бы покойник был один, смерть его, вне всякого сомнения, списали бы на естественные причины. Но их было двое, и умерли они

практически одновременно, что делало диагноз «внезапная остановка сердца», мягко говоря, сомнительным.

Яда в крови погибших патологоанатомы не обнаружили. Это ни о чем не говорило, поскольку существует множество ядов, которые, попадая в кровь, очень быстро распадаются на простейшие составляющие и не поддаются определению. Гораздо больше озадачивал тот факт, что яда не нашли ни в бокалах, ни в бутылке, ни вообще где бы то ни было. Выдвигалась версия об использовании боевых отравляющих средств – таких, например, как пресловутый инфарктный газ, – но после проверки ее пришлось отбросить: конструкция вентиляции не позволила бы злоумышленнику отравить Замятина, не прикончив заодно постояльцев нескольких соседних номеров, а то и всего корпуса. Дежурившая в коридоре горничная категорически отрицала появление в тот вечер на этаже посторонних лиц; с того места, где она сидела, дверь номера Замятина была видна превосходно, и к двери этой, по ее словам, никто не приближался. Показания дежурной по этажу подтверждались записями камер видеонаблюдения, так что версию о распылении аэрозоля через замочную скважину также пришлось отбросить, тем более что дверь номера была оборудована электронным замком, в котором пресловутая скважина попросту отсутствует.

Упомянутая дверь была заперта изнутри, как и окна номера; следов уколов или какого-то иного насилия на телах убитых не обнаружили, так что единственным, да и то косвенным доказательством того, что это было именно убийство, по-прежнему служило количество тел – два вместо одного.

«Можно считать установленным, – с глубокомысленным видом изрек по этому поводу Илларион, – что истинная причина смерти осталась неустановленной». Мещеряков в ответ лишь уныло кивнул, даже не попросив его перестать паясничать, из чего следовало, что он озабочен даже глубже, чем Забродову показалось вначале.

Это было вполне объяснимо: полковник ГРУ – не слесарь с АЗЛК, и причины, по которым его убили, могут затрагивать интересы государства. Могут, конечно, и не затрагивать: полковники и даже генералы – тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Тот же Замятин служил живым примером, иллюстрирующим данное утверждение. «Шерше ля фам», – посоветовал Илларион, и Мещеряков заверил его, что проводившие официальное следствие сотрудники компетентных органов разузнали о найденной вместе с Замятиным «ля фам» все, что вообще можно узнать о человеке.

Звали ее Анной Адамовной Крюковой; тридцати семи лет от роду, незамужняя и бездетная, она трудилась менеджером по подбору персонала в сети столичных продуктовых супермаркетов. Несмотря на профессию, предусматривающую частые и не всегда приятные контакты с людьми, врагов у нее не было – во всяком случае, таких, которые отважились бы на убийство женщины, отказавшей им в приеме на работу или, наоборот, уволившей их с занимаемой должности. Встречи с мужчинами были нерегулярными, отношения недолгими; судя по всему, к созданию семьи Анна Адамовна не стремилась, полагая ее не столько благом, сколько обузой. Ни один из ее поклонников на роль Отелло не годился; всех их отыскивали и проверили со всей возможной тщательностью, однако все они, как на грех, имели железное алиби и не имели никакого отношения к фармацевтической химии и ядохимикатам.

Было установлено также, что до встречи в «Рябинке» Крюкова ни разу в жизни не пересекалась с Замятиным и, следовательно, не имела причин желать ему смерти. О несчастной любви, которая могла бы заставить убийцу разделить незавидную участь жертвы, речи быть не могло. Там, в «Рябинке», имел место обыкновеннейший легкий флирт, обещавший, судя по некоторым признакам, перерасти в короткий, ни к чему не обязывающий курортный роман без продолжения. «Рыбак рыбака видит издалека», – прокомментировал ситуацию Забродов, и Мещеряков с ним полностью согласился. Действительно, Замятин и Крюкова строили свои

отношения с противоположным полом по одной и той же стандартной схеме: встретились, обнюхались, спарились и разбежались.

Таким образом, женщина почти наверняка оказывалась ни при чем – случайная жертва, которую угораздило очутиться не в то время не в том месте. Оставался Замятин – полковник ГРУ и опытный ловелас, на счету которого был не один десяток соблазненных дамочек, многие из которых, надо полагать, имели более или менее ревнивых мужей. Эту версию также попытались отработать, но безуспешно: дневниковых записей Замятин не вел и свои победы на любовном фронте фиксировал разве что в памяти, так что разыскать его былых пассий, не говоря уже об их мужьях, не представлялось возможным. Впрочем, по здравому размышлению данная версия не выдерживала критики: ревнивому мужу было бы очень непросто отыскать опытного разведчика, который вел себя в любви как на войне и даже в постели работал под прикрытием легенды.

Другие мотивы бытового происхождения тоже отпадали. Жил Замятин в основном за границей, в командировках; возвращаясь в Москву, практически безвылазно сидел все в той же «Рябинке», а посему просто не имел возможности конфликтовать с соседями. Родственников у него не осталось, так что говорить об алчных наследниках из провинции, которым не терпелось завладеть московской квартирой полковника, тоже не приходилось. Это поневоле наталкивало на мысль, что причина гибели Ивана Ильича крылась в его профессиональной, не подлежащей разглашению деятельности.

Кое-что, впрочем, генерал Мещеряков счел возможным разгласить, и из услышанного Илларион сделал вывод, что никакими особенными государственными и оборонными секретами безвременно усопший полковник не владел. Сидя в своем торгпредстве, он занимался вполне рутинной работой по вербовке иностранной агентуры; громких успехов и столь же громких провалов с высылкой в двадцать четыре часа за ним не числилось – он, как курочка, клевал по зернышку. За столько лет контрразведчики стран пребывания, надо полагать, поняли, кто он такой, и ничего не имели против: вражеский агент, которого удалось вычислить, уже не представляет серьезной угрозы. За ним можно наблюдать, с ним можно вести игру и даже пичкать его дезинформацией. Дома, в Москве, это давно поняли, и импозантная фигура полковника Замятина уже не первый год служила прикрытием для его более молодых и подвижных коллег, отвлекая от них внимание местных контрразведчиков. Он всех устраивал и никому не мешал; убивать его было не за что, и его абсолютно спокойное поведение в последние перед смертью дни служило тому лишним подтверждением. Не было ни страных писем по электронной почте, ни телефонных звонков с угрозами; вернувшись в Москву и отчитавшись перед начальством, Замятин, как всегда, без промедления укатил в «Рябинку», где и умер через два дня после вселения в свой любимый номер на четвертом этаже.

– Круг замкнулся, – сказал, выслушав историю до конца, Илларион Забродов.

– Вот ты его и разомкни, – без особой надежды в голосе предложил Мещеряков.

Дело было скверное, Илларион понял это сразу. Если бы речь шла не о полковнике Главного разведывательного управления, следователи наверняка нашли бы способ списать все на какие-нибудь естественные причины. Но Замятин был тем, кем он был, и просто махнуть на его гибель рукой начальство не могло: оставалась возможность, пусть мизерная, что эта смерть была вызвана некими крайне важными причинами и обстоятельствами, знать о которых ему, начальству, было бы бесполезно, а не знать – опасно. Официальное следствие не преуспело, а проведение неофициального расследования повесили на непосредственного начальника Замятина, Андрея Мещерякова, чему тот, конечно же, вовсе не был рад. От него требовали результатов; он и сам знал, что результаты нужны, но результатов не было и, главное, не предвиделось.

Когда Мещеряков умчался по каким-то своим делам, Илларион стал размышлять. Увы, ничего конструктивного он так и не придумал. Из общих соображений было ясно, что Замятин и его знакомая отравились вином. В номер никто не заходил, к двери и окнам никто не

приближался; дорогое вино родом из солнечной Бургундии было единственным угощением, которое успели отведать погибшие, и, если не принимать во внимание версию о вмешательстве потусторонних сил, причиной смерти могло послужить только оно.

Разумеется, те, кто проводил предварительное расследование, об этом подумали. Им удалось выяснить, что вино Замятин привез с собой из Москвы: горничная видела эту или точно такую же бутылку в его чемодане, когда полковник в ее присутствии разбирал свои вещи при вселении в номер. Впрочем, это было ясно и так: ни в ближайшем поселке, ни в баре дома отдыха «Шамбертенем», цена которого превышала двести евро за бутылку, не торговали ввиду полного отсутствия спроса.

Вино, к слову, было Иллариону знакомо: он пару раз покупал его перед свиданиями с Ритой и нашел весьма и весьма недурным. Реклама утверждала, что это был любимый напиток Наполеона; если так, приходилось признать, что губа у консула была не дура. Поставлялось вино из Франции, что теоретически исключало возможность банального пищевого отравления. К тому же отравление некачественными продуктами, будь то алкоголь или консервы, неизбежно вызывает массу ярко выраженных и крайне неприятных симптомов наподобие неудержимой рвоты и никогда не убивает мгновенно. А Замятин и его знакомая умерли чуть ли не с улыбкой на устах; полковник еще успел поставить пустой бокал на стол, а Крюкова не успела и того: бокал так и остался в ее упавшей на колени руке, и остаток вина пропитал подол красивого жемчужно-серого платья.

Истина, несомненно, была в вине. Правда, следов присутствия яда не обнаружили нигде – ни в организмах погибших, ни в их бокалах, ни даже в бутылке. Иллариона это не обескуражило: сам он никогда в жизни не прибегал к подобному оружию, но его профессиональные навыки включали довольно обширные познания в области применения различных ядов. Вся эта премудрость уже основательно подзабылась, да и фармацевтическая химия эти годы не стояла на месте, но кое-что Забродов все-таки помнил. Существует целая группа ядов, которые, попадая в организм человека, полностью растворяются в течение нескольких часов, не оставляя после себя никаких следов. Самый легкодоступный из них – сульфат таллия, некогда широко применявшийся в борьбе с грызунами. Правда, он тоже вызывает весьма неприятные ощущения и убивает не сразу, но это означает только, что в бутылке был не он, а какой-то другой, малоизвестный, а может быть, и вовсе не известный науке яд – настолько мощный, что для летального исхода достаточно его мизерного количества, нанесенного на ободок бокала, либо весьма недолговечный и по прошествии определенного промежутка времени растворяющийся без остатка в любой жидкости, например в вине.

Если так, подумал Илларион, то яд должен был попасть в бутылку незадолго до убийства. Технически сделать это несложно, понадобится только шприц с достаточно длинной иглой да свободный доступ в номер. Микроскопический след от иглы будет уничтожен штопором, а запись установленных в коридоре камер видеонаблюдения ничего не даст, если убийца – горничная или, скажем, электрик.

Правда, весь персонал дома отдыха подвергся весьма обстоятельной проверке. Илларион сомневался, что сумеет добиться от службы «Рябинки» большего, чем опытные дознаватели с Лубянки. Кроме того, если речь действительно шла о некоем недолговечном химическом веществе, убийце нужно было с точностью до часа знать, когда будет открыта бутылка. Иначе одно из двух: либо яд распался бы преждевременно и покушение не удалось, либо, наоборот, активное вещество не успело бы разложиться на составляющие и эксперты обнаружили бы его.

Если персонал «Рябинки» непричастен к убийству Замятина, значит, яд попал в бутылку до его приезда в дом отдыха. Было точно установлено, что в своей московской квартире полковник не ночевал: заехал на часок, оставил чемодан, собрал вещи, которые могли понадобиться на отдыхе, и убыл. Вино, надо думать, было куплено им по дороге и положено в дорожную сумку. Сомнительно, чтобы кто-то ухитрился отравить вино в пути: Замятин ехал на своей

машине, сумка лежала в багажнике, вино – в сумке... Так кто же тогда впрыснул в бутылку яд – продавец в винном магазине? А как же тогда его недолговечность? Откуда продавцу, пусть даже он подкуплен какими-то гипотетическими недругами Замятина, было знать, когда именно полковник откроет бутылку – через час, через неделю или, быть может, через год? Откуда ему было знать, что вино – дорогое, тонкое французское вино – куплено для себя, а не в подарок?

Все это было чересчур сложно, громоздко, а главное – ненадежно. Если кто-то действительно желал Замятину смерти и был настолько умен, что сумел воспользоваться не оставляющим следов ядом, он мог бы найти куда более простой и действенный способ. Другое дело, если этот гипотетический яд распадается лишь при определенных условиях – в организме человека и, например, при контакте с открытым воздухом. А что, в этом что-то есть! Пока бутылка закупорена, она несет в себе смертельную угрозу. И, между прочим, никто не откупоривает вино, если не собирается его пить. Но вот пробка извлечена, вино вступает в контакт с атмосферным воздухом, и яд начинает потихоньку распадаться. Вино выпито, яд подействовал; процесс распада продолжается, и утром, когда дверь номера наконец взламывают, внутри обнаруживаются два трупа без следов насильственной смерти, а также бутылка с самым обыкновенным вином – бери и смело пей, ежели в твою голову взбредет такая странная фантазия: допивать то, чего не допили покойники.

Эта версия выглядела изящно, хотя и как-то не по-мужски. Но кто сказал, что убийца – мужчина? Может быть, это все-таки дамочка, надежды которой Замятин нечаянно обманул? В «Рябинке» он был постоянным клиентом, наезжал туда не реже раза в год, и романы свои крутил в основном там. Вот одна из героинь таких романов и наказала его за непостоянство. Что ей стоило, изменив внешность, поселиться в доме отдыха одновременно с Замятиным, а потом, улучив момент, переодеться горничной, проникнуть в номер и отравить вино, а то и просто подменить бутылку точно такой же, но заранее отравленной? Сложно, рискованно – да, но одному дьяволу известно, на что способна обманутая женщина в своем стремлении отомстить!

Родив эту гениальную мысль, Илларион немедленно позвонил Мещерякову и поделился своей версией с ним. При этом как-то неожиданно выяснилось, что на дворе глубокая ночь и даже генералы в это время предпочитают спать, а не обсуждать по телефону бредовые идеи своих бывших подчиненных. Впрочем, вдоволь поворчав и окончательно проснувшись, господин генерал-майор соизволил изречь, что в этом что-то есть, и посоветовал Иллариону, не откладывая дела в долгий ящик, съездить в «Рябинку», чтобы там на месте проверить свои изящные умозаключения.

Ничего иного Забродов, собственно, и не ждал, однако счел необходимым напомнить, что его просили оказать следствию консультативную помощь – так сказать, побыть свежей головой.

– Не будь формалистом, – притворно зевая, сказал ему Мещеряков. – Тебе же все равно делать нечего. Сидишь, сушишь мозги над своими талмудами... Сгоняй, что тебе стоит? Заодно и проветришься.

Послать его к черту Илларион не успел – генерал предусмотрительно бросил трубку. Помянув недобрым словом красавчиков, которые живут, как кобели, и даже помереть по-человечески не могут, Забродов завалился спать, а наутро, совершив традиционную пробежку под моросющим дождем, оседлал «бьюик» и отправился «проветриваться».

Персонал «Рябинки», напуганный происшествием, которое могло сильно повредить репутации дома отдыха и нанести серьезный удар по его доходам, был сама предупредительность и готовность к сотрудничеству. Кем являлся при жизни их покойный завсегдатай, они, конечно, не знали, но из того, какими силами и с какой дотошностью велось расследование, было нетрудно сделать соответствующие выводы. Поэтому Иллариону оказалось достаточно представиться коллегой Замятина, чтобы избежать дальнейших расспросов о цели своего визита и получить доступ к любой информации.

Для начала он задал работу местному компьютеру, заставив его искать совпадения между списком постояльцев «Рябинки» в день смерти Замятина и аналогичными списками за последние пять лет. Машинка была из новых, с весьма приличной оперативной памятью, и справилась с задачей в считанные минуты. Увы, того, что искал Забродов, компьютер не нашел: ни одна из женщин, которые в разные годы отдыхали в «Рябинке» одновременно с Замятиным, в этот раз на рецепции не регистрировалась. Это, впрочем, мало что значило: при современном уровне развития полиграфии и бытовой множительной техники подделать любое удостоверение личности не так уж сложно, особенно когда документы твои проверяют люди, интересующиеся содержимым твоего кошелька и кредитной карты больше, чем паспортными данными.

Не преуспев с компьютером, Илларион попытал счастья в простом человеческом общении, переговорив со всем женским персоналом дома отдыха, – в конце концов, обиженной могла оказаться не постоялица, а горничная, администратор или, к примеру, бухгалтер. Беседуя с этими дамами, которые все как на подбор оказались вполне милыми и симпатичными (сказывалась, видимо, продуманная и целенаправленная кадровая политика нынешнего владельца заведения), Забродов вслушивался не столько в слова, сколько в интонации, и интересовался не столько содержанием ответов (звучавших, не считая мелких отличий, вполне стандартно), сколько реакцией на свои вопросы, проявлявшейся в мимике и выражении глаз. Из этих разговоров он сделал вывод, что либо никто из собеседниц не причастен к убийству и ничего о нем не знает, либо кто-то из них имеет специальную подготовку, не уступающую его собственной, и способен обмануть даже детектор лжи. Последнее было маловероятно; подумав, Забродов не стал допрашивать мужчин: даже если организатором убийства был какой-нибудь ревнивец, ему все равно пришлось бы действовать через одну из горничных. Об этом свидетельствовали записи камер видеонаблюдения, из коих следовало, что в номер Замятина, кроме него самого и Крюковой, за время его пребывания в «Рябинке» входили только дежурные горничные.

Повторный просмотр этих записей, предоставленных в распоряжение Иллариона Мещеряковым, окончательно убедил его в том, что посторонние в номер не проникали: лично познакомившись с персоналом дома отдыха, Забродов видел, что входившие в помещение горничные являлись именно горничными, а не переодетыми мстительницами.

К этому времени его «свежая голова» была уже далеко не такой свежей, как в тот день, когда он узнал о смерти Замятина, а его отношение к усопшему полковнику, бывшее и раньше прохладным, окончательно испортилось: ведь это по его милости спокойная, размеренная жизнь военного пенсионера Забродова снова превратилась в бесконечную и, похоже, совершенно бессмысленную беготню. Сдаваться он, однако, не спешил – что-что, а это всегда успеется – и, поднагужившись, измыслил... новое направление поисков.

С часок посидев в Интернете, он получил полный список магазинов, торговавших вином, которым Замятин перед смертью угощал свою очередную избранницу. Вино, как выяснилось, было не то чтобы редким, коллекционным, но и не слишком широко распространенным: его продавали всего около дюжины специализированных столичных магазинов. Кроме того, ряд столичных туристических фирм предлагал специальные «винные» туры, в ходе которых желающие могли приобрести не только пресловутый «Шамбертен», но и ряд других родственных ему напитков: бархатистое «Мюзинь», сделанное руками монахов из аббатства Сито, «Клоде-Вутоо», «Помар», «Бон», «Мерсо»... Все они стоили примерно одинаково, по двести евро за бутылку и выше, и это, как с некоторым удивлением обнаружил Илларион, было далеко не предел. Впрочем, все это к делу не относилось: вряд ли Замятин, только что вернувшийся из командировки, отправился за собственные деньги в заграничный тур лишь затем, чтобы прикупить бутылку-другую вина. Прикинув примерный маршрут, которым полковник перемещался по Москве перед тем, как отправиться в дом отдыха, Забродов поставил галочку напротив адреса магазина, расположенного в непосредственной близости от этого маршрута. Спи-

сок он торжественно вручил Мещерякову, сопроводив этот акт старым как мир афоризмом: «Истина в вине».

Генерал хмыкнул, поочередно разглядывая то список магазинов, то карту Москвы с подчеркнутой по ней красной пунктирной линией, и удалился, ничего не сказав. На следующий день он явился к Иллариону с отчетом, из коего явствовало, что Забродов оказался прав: Замятин действительно купил бутылку «Шамбертена» по дороге из дома, когда направлялся в «Рябинку». Его фото опознал в том самом магазине продавец-консультант – молодой парень, приехавший в Москву из какой-то братской республики полгода назад. Конечно, парня могли подкупить, чтобы в нужный момент он подсунул нужному человеку заряженную ядом бутылку, но это представлялось чересчур громоздким, ненадежным и опасным. Отыскать продавца не составило труда; получив из рук какого-то третьего лица бутылку, деньги и соответствующие инструкции, парень вряд ли сумел бы забыть такое происшествие и на первом же грамотно проведенном допросе наверняка сдал бы заказчика.

Тем не менее Илларион потруился лично съездить в магазин и переговорить с продавцом – смешливым круглолицым симпатягой лет двадцати пяти, который так же походил на маньяка, как Забродов – на солиста Большого театра. Результат поездки был нулевым: продавец отлично помнил Замятина, который купил у него вино и шоколад, но ничего больше он о покойном сказать не мог. Осененный новой идеей, которая ему самому казалась сомнительной и бесперспективной, Илларион купил у него бутылку того же вина и отвез ее Мещерякову, чувствуя себя так, словно разъезжает по городу с боевой гранатой в кармане.

Бутылку Забродову вернул посыльный. Она была откупорена; к ней прилагалась записка, в которой Мещеряков сообщал, что его какое-то время не будет в Москве. По поводу вина в записке было сказано, что содержимое бутылки было исследовано специалистами Института криминалистики ФСБ, которые не обнаружили в нем никаких посторонних примесей. Решив с горя напиться, Илларион вынул пробку и обнаружил внутри самую обыкновенную водопроводную воду, в которой, в отличие от вина, посторонних примесей наверняка было навалом. «Ваше здоровье», – проворчал Забродов, адресуясь к экспертам. Впрочем, криминалисты, скорее всего, были ни при чем: от этой шуточки попахивало своеобразным юмором товарища генерала, который всю жизнь тщетно пытался сравнять с Илларионом счет.

Это был тупик. Ниточек, за которые стоило бы потянуть, в деле больше не осталось, а если они и существовали, Илларион их, хоть убей, не видел. В связи с этим на ум ему опять пришла версия о самоубийстве – не то групповом, совершенном по странному сговору парочкой скрытых сумасшедших, не то одиночном, но сопряженном с убийством – возможно, умышленным, а может быть, и случайным.

Версия была дикая и не лезла ни в какие ворота, но тут Забродов был полностью согласен с классиком детективного жанра: если отбросить все невозможное, то, что останется, и будет истиной, каким бы невероятным оно ни казалось. В конце концов, покойный Замятин был достаточно компетентен и располагал широкими возможностями, чтобы организовать себе и своей избраннице такую быструю, легкую, чистую и даже красивую смерть. А причиной самоубийства могло стать что угодно: от умственного расстройства, которое как-то проглядели штатные психологи управления, до банальной вербовки, которой он подвергся за границей.

И вот теперь Забродов читал, хандрил, бросал ножи, скучал по Рите и ждал возвращения Мещерякова, дабы изложить ему свои выводы и с чистой совестью умыть руки. День едва перевалил за середину, но из-за пасмурной погоды в комнате было серо и сумрачно, как перед наступлением ночи. Читать при таком освещении было затруднительно, но включать свет не хотелось. Метать ножи не хотелось тоже: это занятие ему приелось, как рано или поздно приедается любое дело, в котором тебе нет равных. Не хотелось даже есть, хотя обеденное время уже наступило. Осознав наконец, что начинает раскисать, Илларион взял себя в руки и отправился на кухню – поглядеть, не найдется ли в холодильнике чего-нибудь съестного.

Съестного в холодильнике оказалось вполне достаточно, чтобы не умереть от голода. Забродов зажег газ, брякнул на конфорку сковороду, плеснул туда масла и приступил к приготовлению блюда, которое вслед за Джеромом К. Джеромом именовал ирландским рагу: свалил в кучу остатки вчерашней жареной картошки, позавчерашних макарон по-флотски, выскреб туда же затаившуюся в углу холодильника четверть банки тушенки, присыпал мелко нарезанной ветчиной, вбил три сырых яйца, поперчил, тщательно перемешал и накрыл крышкой.

Адское месиво шипело, скворчало и булькало на плите. В чисто прибранной кухне было так же серо и сумрачно, как в комнате. Привычное и милое сердцу одиночество вдруг сделалось тягостным, и, чтобы нарушить тишину пустой квартиры хотя бы подобием человеческого голоса, Илларион включил телевизор.

Он немедленно об этом пожалел, поскольку по телевизору транслировалась одна из тех программ, в ведущие которых он давеча прочил Мещерякова. Гнусавый и напористый голос диктора резанул слух, рука сама протянулась за пультом, но замерла на полдороге. Илларион не сразу понял, что привлекло его внимание, а когда понял, сразу раздумал выключать телевизор.

Внимательно просмотрев сюжет до конца, он записал название передачи и время выхода ее в эфир, после чего, спохватившись, бросился спасать свое чудовищное рагу, которое, судя по запаху, уже начало вулканизироваться.

Глава 4

Природа в лице родителей наделила Леру Николаеву вполне обыкновенной, непримечательной внешностью. Худошавая, чтобы не сказать костлявая, шатенка с заурядными чертами лица, не блещущая ни умом, ни какими-то ярко выраженными талантами, Лера имела одно неоспоримое преимущество перед сверстницами – богатого отца. Отец ее имел приличное состояние уже тогда, когда только собирался сделать предложение ее матери, а ко дню совершеннолетия дочери уже попал в поле зрения журнала «Форбс» как один из реальных претендентов на вхождение в десятку самых состоятельных людей России.

В силу упомянутого выше обстоятельства двадцатилетняя Лера Николаева ушла очень далеко от той серенькой пигалицы, которой могла бы быть, если бы не отцовские деньги. Платиновая блондинка, внешность которой немало способствовала повышению благосостояния светил отечественной и зарубежной пластической хирургии, она была постоянной клиенткой самых дорогих бутиков, массажных салонов, косметических центров и прочих заведений, созданных исключительно для того, чтобы откачивать из карманов состоятельных господ излишки денежной массы.

За месяц до своего двадцать первого дня рождения Лера Николаева почувствовала себя основательно уставшей от жизни, которую, как ей казалось, она успела познать во всех ее ипостасях. Постоянных занятий она, разумеется, не имела, если не считать занятием прожигание денег в ночных клубах. В семнадцать лет она решила было сделать карьеру эстрадной певицы. Отцовские деньги без проблем открыли перед ней двери в шоу-бизнес, но буквально через полтора месяца Лера сама их закрыла – нет, не закрыла, а шикарно, с треском захлопнула, – поскольку оказалось, что даже открывание рта под фонограмму требует определенных усилий.

Учиться за рубежом Лера не хотела: она была не сильна в языках и не имела ни малейшего желания изучать что бы то ни было, кроме глянцевого журналов и каталогов. Отец с грандиозным скандалом и ценой немалых финансовых затрат устроил ее на первый курс МГУ, но уже со второго она ушла, даже не потрудившись забрать документы: родитель умер от рака, с которым втайне от дочери боролся на протяжении нескольких лет. Матери у Леры не было давно – она развелась с отцом, когда девочке едва исполнилось пять лет, уехала за границу, и след ее потерялся. Поплакав для приличия, наследница огромного капитала ринулась навстречу радостям жизни, которые сулила наконец-то обретенная свобода. Увы, здесь ее поджидало разочарование: заранее зная о приближении смерти, отец с помощью лучших московских адвокатов составил завещание, согласно которому Лера получала право распоряжаться капиталом лишь по достижении ею двадцати одного года. До тех пор ей назначалось солидное денежное содержание. Завещание было составлено таким образом, что оспорить его не получилось не только у Леры, но и у многочисленных родственников и партнеров, кинувшихся на лакомый кусок со всех сторон. Добыча оказалась стервятникам не по зубам; помимо всего прочего, выяснилось, что отец загодя распродал бизнес и поместил деньги в швейцарский банк, откуда их было не так-то просто выцарапать.

Лера сочла себя несправедливо обиженной, и это помогло ей побороть остатки скорби, которую она не столько испытывала, сколько изображала по поводу смерти отца. Теперь же, когда до ее двадцать первого дня рождения оставался ровно месяц, Лера Николаева буквально сгорала от нетерпения, как будто причитавшийся ей громадный капитал – назвать его суммой как-то не поворачивался язык – должен был спасти ее от голодной смерти, которая уже стояла на пороге, погромыхая костями и помахивая ржавой косой. Все, кто имел честь быть с ней знакомым (с Лерой, разумеется, а не со смертью), не сомневались, что оставленного отцом состояния хватит ей ненадолго – если, конечно, его не приберет к рукам предприимчивый и неглупый мужчина. То обстоятельство, что в довершение к состоянию предприимчивому мужчине

предстояло получить взбалмошную и глупую жену, с лихвой окупалось размерами капитала. В преддверии знаменательной даты охотники за приданым, которые и раньше не обходили Николаеву вниманием, заметно активизировались; они вились вокруг, как мухи над вареньем, и Лера на этом основании окончательно укрепила во мнении, что она неотразима.

– Что ты все плачешь, – манерным голосом втолковывала она своей ближайшей подруге Вере Зубаревой, жеманно стряхивая пепел с тонкой дамской сигареты в чистую хрустальную пепельницу, – нет мужиков, нет мужиков... Что значит «нет мужиков»? Вон их сколько!

Вера обвела взглядом полупустой зал дорогого ресторана, куда девушки заехали позавтракать. Несмотря на то что было уже начало шестого пополудни, это был именно завтрак – то есть первая трапеза за день, который у обеих начинался далеко за полдень, а заканчивался лишь под утро, а то и утром, иногда поздним.

Вера, как и ее подруга, была сиротой. Ее отец был генералом и служил в Генштабе; дав дочери возможность узнать красивую жизнь столичного бомонда, он, в отличие от отца Леры Николаевой, не оставил ей достаточного количества денег для полноценного поддержания того образа жизни, к которому она уже успела привыкнуть и который казался ей единственно приемлемым. Нужда, пусть даже относительная, быстро учит уму-разуму; после смерти отца Вера Зубарева стремительно поумнела, превратившись в профессиональную охотницу за богатыми женихами. Сюсюкающие разглагольствования подруги Вера старалась пропускать мимо ушей. Лера была для нее пропуском в мир, где можно встретить и заарканить стоящую затраченных усилий добычу. Оставшись один на один со своими скромными финансами, которые не соответствовали ее запросам, Вера стала тенью богатой подруги и повсюду следовала за ней, как рыба-прилипала, присосавшаяся к брюху белой акулы, подбирая пропущенные покровительницей крошки и выжидая удобного момента, чтобы одним мощным усилием изменить жизнь к лучшему. Она не сомневалась, что такой случай рано или поздно представится: в кругу знакомых Леры Николаевой встречались молодые (и не очень молодые) люди, у которых хватало ума и вкуса, чтобы оценить неназойливый шарм Веры Зубаревой, особенно хорошо заметный на фоне крикливой, эпатажной глупости ее богатой подруги. «Лера и Вера», – говорили о них; Вера была подругой, компаньонкой, наперсницей – словом, чем-то вроде аксессуара, призванного подчеркнуть богатство и независимость Леры. Лера была уверена, что на фоне Веры блистает, как бриллиант на фоне черного бархата; Вера придерживалась примерно такого же мнения, только бриллиантом, естественно, являлась она сама, а бархатной подушкой – Лера.

– Только пальцем помани – толпами сбегутся, – продолжала поучать Лера, нимало не заботясь о том, что ее высокий голос слышен даже в самых дальних уголках обеденного зала. – Конечно, надо соответствовать. В порядок себя привести, чтобы нигде ничего лишнего не висело... Для начала смени визажиста. Это просто кошмар, что у тебя на голове!

Вера Зубарева терпеливо улыбнулась. Визажист у нее был тот же, что у Леры, и одевалась она в тех же магазинах, что и подруга. Правда, ей, в отличие от богатой наследницы покойного банкира Николаева, это стоило нечеловеческих усилий и требовало воистину дьявольской изворотливости. Но пока она справлялась и собиралась справляться впредь, чтобы, когда пробьет час, не ударить в грязь лицом. Лера этого, естественно, не замечала, как не замечала того, что платье ее подруги сшито по лекалам того же кутюрье, что и ее собственное. Она вообще редко давала себе труд замечать окружающих, а каждую глупость, которая приходила ей в голову, немедленно произносила во всеуслышание и так безапелляционно, словно являлась хранительницей истины в последней инстанции.

– А тот, вчерашний, был ничего, – нейтральным тоном заметила Вера, оставив в стороне скользкую тему визажиста.

Спорить с Лерой и даже просто высказывать мнение, отличное от нее, было бесполезно: она постоянно пребывала в готовности с пеной у рта отстаивать любую, пусть самую нелепую, точку зрения, если эта точка зрения принадлежала ей. Поэтому Вера поспешила перевести

разговор на мужчин: здесь, по крайней мере, Лере можно было поддакивать, ничего не опасаясь и не слишком унижая при этом собственное достоинство.

– Ничего, – кивнула Лера. – То-то, что ничего! В смысле, ничего хорошего. Такой же, как все. Самый обыкновенный кобель.

– Если он тебе не нужен, могу забрать, – шутливым тоном, который плохо маскировал ее хищные намерения, предложила Вера.

– Да на здоровье, – милостиво разрешила Лера. – Не понимаю только, на что он тебе сдался.

Пододошедший официант принял заказ и удалился, сопровождаемый напутствием Леры: «И пошевеливайся!» Спешить он, однако, не стал: в таких местах, как это, официанты никогда не торопятся, давая клиентам время как следует проголодаться. Пока он ходил за заказанной бутылкой бургундского, девушки успели обсудить недавнее происшествие с Ксенией Собчак, которая попала в автомобильную аварию, потому что, выпив за ужином, не придумала ничего умнее, как приставать к водителю своего новенького «бентли», обошедшегося ей, если верить желтой прессе, в триста тысяч евро. Подруги сошлись во мнении, что Ксюша – просто лошадь и что так ей и надо, после чего перешли к обсуждению иных столь же важных и насущных новостей и проблем.

Их разговор прервало появление официанта, который наконец-то принес вино.

– Где ты ходишь? – напустилась на него Лера, никогда не упускавшая случая сплясать на ком-нибудь, кто не мог дать ей сдачи. – Ты что, сам его делал, это вино?

– Не кричи на мальчика, – поддержала игру Вера. – Ты что, не понимаешь, какое это долгое дело? Сначала надо посадить виноград, потом поливать его, растить, собирать, давить...

– Ногами, – подсказала Лера. – Виноград давят ногами. А некоторые вообще все ногами делают. А ходят на руках. Поэтому у них все так медленно получается... Поставь бутылку и иди! – прикрикнула она на официанта, который терпеливо слушал их с каменным выражением лица, держа наготове откупоренную бутылку с длинным, слегка искривленным горлышком и неброской, будто бы выцветшей этикеткой.

Уходя, официант слышал, как девушки обсуждают какого-то молодого человека, которого крашенная костлявая стерва обещала подарить своей чуть более симпатичной подпевале. Официант хорошо знал этот тип клиенток; будь его воля, он ободрал бы увешанную бриллиантами дуру как липку и выкинул на улицу в одном белье – зарабатывать на жизнь единственным доступным ей способом. Увы, такая задача была ему не по плечу: девушки такого сорта не выходят замуж за официантов, услуга для них – не люди, а разновидность домашнего скота, которым можно помыкать как вздумается. Вторая, судя по всему, была охотницей за мужиками, торопящейся подороже продать свое тело, пока оно еще сохраняет товарный вид. С точки зрения официанта, она немногим отличалась от уличной проститутки. Впрочем, Веру Зубареву он не осуждал, поскольку сам был охотником – правда, на иную дичь, как раз ту, которая уже не имеет товарного вида, зато имеет деньги на покупку и содержание молодого жеребчика. Этим старым кошелкам наплевать, брать в мужья официанта или стриптизера, лишь бы жеребчик был хорош по всем статьям.

Он почти дошел до дверей кухни, когда позади вдруг раздался нечеловеческий, душераздирающий визг. Официант обернулся; строго говоря, обернулись все, поскольку на этот звук нельзя было не обернуться, а второй официант, как раз в это время двигавшийся по залу с подносом, вздрогнул так сильно, что с подноса со звоном и дребезгом посыпалась посуда.

Визжала Лера Николаева. «Не иначе, муху в вине нашла, – подумал официант на бегу. – Только откуда в закупоренной бутылке мухе-то взяться? Да в какой бутылке! Это ж «Шамбертен», а не молдавский портвейн!»

Добежав до столика, он не сразу понял, что произошло. Худая блондинка с оттопыренными ушами продолжала визжать, прижав к подбородку кулачки. Ее подруга, напротив, сидела

неподвижно и смотрела прямо перед собой широко открытыми, густо подведенными глазами. На вопли подруги девушка не реагировала; казалось, она их вовсе не слышала.

– Это ты! – неожиданно набросилась на официанта Лера. – Ты ее отравил! Убийца! Подонки! Мразь!

Только теперь официант заметил, что вторая клиентка не моргает и, кажется, не дышит. Чудовищные размеры случившейся неприятности едва начали доходить до его сознания, когда Лера, вскочив, одним стремительным кошачьим движением полоснула его по физиономии своими длинными, очень дорогостоящими акриловыми ногтями.

Вокруг столика начала собираться толпа – к счастью, немногочисленная ввиду малого количества посетителей.

– Пропустите, я врач! – крикнул кто-то.

Врача пропустили к столу. Он заглянул Вере в лицо, пощупал пульс и, протянув руку, осторожно закрыл ей глаза. У Леры началась истерика. Ее усадили обратно за столик, и кто-то за неимением воды поднес к ее губам стоявший на скатерти бокал красного вина. Лера стала пить большими, шумными глотками, проливая вино на подбородок и пачкая дорогое платье. Допив, Лера Николаева всхлипнула в последний раз и вдруг с размаха, как бревно, упала лицом в пустую тарелку. Ее заплаканные глаза были открыты, испачканные тушью щеки мокры от слез, кровь из рассеченной брови стекала на стол, пачкая крахмальную скатерть, а в мочке оттопыренного уха радужным блеском сверкала бриллиантовая серьга.

* * *

Забив последний гвоздь, Клим Зиновьевич Голубев осторожно спустился с крыши по шаткой приставной лестнице и, содрав с ладоней, затолкал в карман хлопчатобумажные рабочие перчатки. Денек, как по заказу, выдался солнечный и не слишком холодный – в самый раз для починки прохудившейся кровли. На работе Голубеву дали три дня отгулов – начальство вошло в положение свежее испеченного вдовца, потерявшего вдобавок и дочь, здраво рассудив, что после такого потрясения человека лучше не подпускать к автоматической конвейерной линии.

Уже внизу его окликнула соседка, жившая в соседнем доме.

– Крышу починешь, Зиновыч? – нараспев спросила она, опершись на гнилой штакетник, что разделял два домовладения.

Ее чудовищных размеров бюст буквально повис на заборе, как парочка выложенных на просушку тыкв. Сходство с тыквами усиливалось оранжевой кофтой, в которой уважаемая Василиса Матвеевна щеголяла, сколько Клим Голубев себя помнил.

– Уже починил, – сдержанно ответил он, заваливая лестницу и убирая ее под навес, где были горой свалены гнилые доски, служившие семье Голубевых топливом.

– Это правильно, – похвалила словоохотливая Василиса Матвеевна. – Работа – от всех скорбей наипервейшее лекарство. Это ты молодец, Климушка. Иной бы на твоём месте неделю без просыпу пьянствовал, а ты – вона, крышу починешь...

– Угу, – сказал Клим Зиновьевич и, наклонившись, подобрал выпавший из кармана старого солдатского ватника молоток.

– Горе-то какое у тебя, – не отставала соседка, утирая уголком цветастого платка абсолютно сухие глаза. Глаза у нее были маленькие, черненькие и выглядывали из складок пухлых обветренных щек, как пара изюмин из кекса. – Ведь всей семье в одночасье лишился! Пропали они пропадом, эти грибы! Чтoб я еще хоть раз их в рот взяла... Тьфу, пакость!

– Угу, – повторил Голубев и отвернулся, чтобы соседка ненароком не заметила его улыбки.

– Как же ты нынче один-то? – продолжала Василиса Матвеевна. От этих слов Климу Голубеву захотелось расхохотаться и так, хохоча, раскроить старой дуре молотком ее пустую голову. – За мужиком пригляд нужен, мужик без женского глазу чахнет...

– Как-нибудь, – сказал Клим Зиновьевич и, не боясь показаться невежливым – горе у него, человеку в таком состоянии все простительно, – нырнул в сени, где было полутемно и сильно пахло мышами.

Не снимая кирзовых сапог, в которых лазил на крышу и топтался по грязному двору, он прошел напрямик в большую комнату, которую жена и дочь при жизни именовали «залой», и первым делом убрал оттуда подставленные под течь тазики и миски. Скомканный ватник он небрежно швырнул на застланный цветастой тканой постилкой диван, закурил и прошелся по комнате, безжалостно попирая грязными сапогами потертый ковер. Над этим ковром жена, помнится, дрожала так, словно он был соткан из золотого руна – того самого, за которым отважные аргонавты когда-то плавали в Колхиду, – и не разрешала ходить по нему даже в домашних тапочках.

Перечеркнутые по уголку траурными ленточками фотографии жены и дочери стояли рядышком на комодке, и, проходя мимо, Клим Зиновьевич весело им подмигнул.

– Смотрите, – сказал он фотографиям, – любуйтесь. Не нравится? Ничего, привыкайте! Еще не то увидите, упырихи. Я вам покажу, кто в доме хозяин.

В комнате еще чувствовался устойчивый запах еля и свечного воска, и, докурив сигарету, Голубев сейчас же зажег новую, стремясь перебить и изгнать этот сладковатый покойнический дух. Расхаживая в сапогах по коврику и дымя в «зале», чего ему тоже никогда не дозволялось, он чувствовал себя как-то неуютно, будто делал что-то не то. Клим Зиновьевич хорошо понимал, в чем тут дело: к обретенной свободе еще предстояло привыкнуть.

Конечно, освоившись в своем новом качестве вдовца, свободного, ничем не связанного человека, он уже не станет топтаться по ковру грязными сапогами и ронять на него пепел с сигареты – имущество, нажитое трудом, следует беречь, в этом покойница была целиком и полностью права. Он станет, как прежде, ходить на работу, топить гнилыми досками нуждающуюся в мелком ремонте печку и беречь нажитое имущество; со временем, и притом довольно скоро, память без малейших усилий с его стороны внесет необходимые поправки, и он будет искренне уверен, что жена и дочь отравились именно грибами – просто грибами, в которых не было никаких посторонних добавок, кроме подсолнечного масла, лука и соли. Но пока так называемая душевная рана свежа, он мог в полной мере насладиться как свободой, так и сознанием того, что свободу эту он добыл своими руками и головой. Убить – дело нехитрое; а вот, убив, остаться на воле и воспользоваться плодами своего отчаянного поступка, это ж уметь надо.

Клим Зиновьевич ни единой минуты не раскаивался в содеянном. Если он о чем-то и жалел, так лишь о том, что не сделал этого раньше, много лет назад. Сколько времени и сил потрачено впустую!

Он сходил на веранду, которая с ноября по май служила недурной заменой холодильнику, и принес одну из уцелевших с поминок бутылок водки. На поминках он почти не пил, опасаясь, что во хмелю не сможет достоверно изображать убитого горем мужа и отца, и теперь не видел препятствий к тому, чтобы наверстать упущенное.

Вместе с водкой Голубев принес в «залу» пластмассовую корзинку со слегка подсохшим хлебом и тарелку с нарезанной ветчиной, которую купил вчера. В холодильнике у него лежал кусок свиного окорока, дожидавшийся, когда его превратят в отбивные, несколько пачек пельменей, палка сухой колбасы и еще множество разнообразной снеди, которую Клим Зиновьевич за последние годы видел разве что по праздникам, да и то не всегда. Продукты были куплены на деньги, найденные в бельеовом ящике жены, – как и предполагал Голубев, эта дура их копила неизвестно на что. Тайник был примитивный и вместе с тем надежный: на работу

жена не ходила, и о том, чтобы запустить руку в ее белье, нечего было и думать – того и гляди, останешься без этой руки, а может, и без обеих.

Усаживаясь за стол, он вспомнил, что не мешало бы, наверное, поставить перед портретом жены рюмку водки с краюхой хлеба, но делать этого не стал, ограничившись показанным кукишем.

– Вот вам! – сказал он фотографиям. – Как вы со мной, так и я с вами. Нынче, голубушки вы мои, не ваше время, а мое. Ваше-то все вышло, вон какая история. И на кого ж вы меня покинули... – Он фыркнул, расплескав немного водки, которую наливал в стакан, и растер пахучую лужицу рукавом рубашки. – Говно твои грибы, – сообщил он фотографии жены. – Сто раз я тебе это говорил, а ты, дура, слушать не хотела. Ну, земля вам пухом!

Он выпил и с аппетитом закусил ветчиной. В доме было тихо, как в могильном склепе, и Клим Зиновьевич, дотянувшись до пульта, включил телевизор.

Ящик сам собой включился на «Рен ТВ» – любимом канале жены, которая обожала смотреть криминальные новости и всякие таинственные истории о привидениях, НЛО, снежном человеке и прочей нечисти. Голубеву, который таинственных историй не любил, повезло: шел выпуск криминальных новостей.

Под репортаж о поимке шайки квартирных воров он выпил еще сто граммов и закусил кусочком ветчины с подсохшим ломтем хлеба. Водка ушла, как в сухую землю, и Клим Голубев, никогда не числившийся в выпивохах, с удовольствием сознавал, что бутылка не последняя и что ни одна живая душа не помешает ему, если возникнет такое желание, упиться хоть до полного бесчувствия.

Жуя, он чавкал так громко, что почти не слышал, что говорят по телевизору. Мысли его бегали по кругу, как собака, ловящая себя за хвост: эйфорию сменял страх, который, будучи изгнанным, снова уступал место щенячьей радости школяра, не выучившего урок и наутро с облегчением обнаружившего, что школа дотла сгорела. В данный момент, глядя, как на экране телевизора дюжие милиционеры в черных масках и бронежилетах укладывают лицом в асфальт какого-то бедолагу-правонарушителя, Клим Зиновьевич опять забеспокоился: все ли в порядке, хорошо ли замечены следы?

Следы были замечены на совесть. Уничтожить лабораторию в каморке он не стал: о его увлечении химическими опытами знало полгорода, и исчезновение химического оборудования и реактивов сразу после смерти жены и дочери могло вызвать подозрения. Поэтому он ограничился лишь тем, что убрал с глаз долой и закопал в огороде кое-какие химикаты, могшие натолкнуть тех, кто придет с обыском, на правильные выводы.

Впрочем, он был почти уверен, что обыскивать его не будут. С какой стати? Врач в заключении о смерти черным по белому написал: «Отравление грибами», и этот диагноз не вызвал ни у кого даже тени сомнения. Вскрытия не было, а если бы и было, оно бы ничего не показало: яд давно распался на простейшие составляющие, и обнаружить его стало невозможно уже через два часа после наступления смерти. Не было ни уголовного дела по факту двойной смерти, ни следствия по делу. С легкой руки врача «Скорой помощи», давшего официальное заключение о смерти, жена и дочь Клина Зиновьевича пополнили печальную ежегодную статистику отравлений грибным ядом, и Голубев не сомневался, что через пару недель о них забудут так основательно, словно их и на свете-то никогда не было.

Он представил себе два свежих земляных холмика на городском кладбище, увенчанных одинаковыми деревянными крестами и украшенными немногочисленными венками и букетиками увядших цветов. Будто наяву, Клим Голубев увидел, как ветер играет концами траурных ленточек «Любимой жене от скорбящего мужа», «Дорогой доченьке от любящего отца»; цветы наполовину вбиты в рыжий кладбищенский суглинок вчерашним ливнем, а истоптанный землекопами бурьян вокруг могил уже начал понемножечку распрямляться. Ему подумалось, что семья и после смерти не оставит его в покое: теперь за могилами придется старательно ухаживать.

вать, чтобы злые языки не пустили сплетню, которая будет соответствовать действительности. Впрочем, он чувствовал, что уход за могилами может стать весьма приятным делом, поскольку будет всякий раз напоминать ему о том, как решительно, а главное, ловко он изменил свою судьбу.

Повеселев от этих мыслей, Клим Зиновьевич слил в стакан все, что оставалось в бутылке, и соорудил себе новый бутерброд. Диктор с телевизионного экрана продолжал пугать народ всякими ужасами; уйдя в приятные размышления, Голубев его практически не слушал. Но тут сквозь клубящийся в мозгу теплый алкогольный туман пробилось произнесенное ведущим слово «отравление», и Клим Зиновьевич машинально наострил уши.

– ...В одном из самых дорогих и престижных столичных ресторанов, – напористо тараторил ведущий. – Небезызвестная в среде так называемой золотой молодежи наследница солидного капитала умершего три года назад банкира Александра Николаева Валерия Николаева заехала сюда с подружкой поужинать. Увы, ужину не суждено было состояться: едва успев сделать заказ, обе девушки умерли. По свидетельствам очевидцев, смерть наступила мгновенно. Ее причину установит следствие, однако нам удалось узнать, что пострадавшие скончались после того, как выпили поданное им красное французское вино стоимостью свыше двухсот евро за бутылку...

– Ишь ты, – сказал Клим Зиновьевич, салютуя телевизору стаканом. – Ух ты, – добавил он и выплеснул водку в рот. – Ну что за день сегодня! – воскликнул он, перед тем как отправить следом за водкой очередной кусок хлеба с ветчиной. – Не день, а просто праздник какой-то!

Это действительно был праздник. Клим Голубев не надеялся когда-либо узнать, увенчались ли его труды хоть каким-то результатом. Заряженные смертью бутылки с вином уплывали от него по конвейеру в полную неизвестность; они могли разбиться по дороге или годами пылиться на магазинных полках. Убить они тоже могли, но смерть, о которой не знаешь наверняка, существует только в твоих мечтах и не может принести настоящего удовлетворения.

Да, это был праздник, тем более что теперь рядом с Климом Голубевым не осталось никого, кто мог бы помешать ему насладиться своей победой. Теперь он знал, что проведенные с химикатами в холодной камере дни и ночи не пропали напрасно. Купающемуся в роскоши миру толстосумов не было дела до Клима Голубева. Этот мир даже не подозревал о его существовании, как человек до поры до времени не подозревает о поселившемся в его организме смертельном вирусе.

Той же ночью, махнув рукой на осторожность, пьяный до безобразия Голубев прихватил в сенях лопату, отправился на огород и в кромешной тьме откопал зарытые там банки с химикатами: достигнутый успех необходимо было закрепить и развить.

Глава 5

С утра на улице шел мокрый снег, и, когда Андрей Мещеряков переступил порог квартиры, на плечах и отворотах его черного кашемирового пальто поблескивали капельки талой воды. Едва он начал раздеваться, как на кухне пронзительно засвистел чайник.

– Пардон, – сказал Илларион Забродов. – Придется вам, товарищ генерал, шинельку на вешалку самостоятельно пристроить. А меня, как видите, труба зовет.

– Надеюсь, это не труба Страшного суда, – проворчал ему в спину Мещеряков, скидывая пальто.

Свист на кухне оборвался, и стало слышно, как Забродов заливает кипяток в заварочный чайник.

– Мрачновато шутите, товарищ генерал-майор, – прокричал он оттуда. – Что случилось? Жизнь дала трещину?

– Угу. Денег осталось два чемодана, – закончил расхожую шутку Мещеряков и, без видимой необходимости расправив на вешалке свое пальто, присоединился к хозяйничавшему на кухне Иллариону.

Придвинутый к окну стол уже был накрыт для чаепития. Забродов торжественно водрузил по центру пузатый заварочный чайник и прикрыл его сверху сложенным в несколько раз чистым полотенцем.

– Ловко у тебя получается, – заметил Мещеряков. – Точнехонько к моему приезду подгадал.

– Телепатия, – самым обыденным тоном сообщил Забродов. – Шестое чувство. Или, выражаясь более привычным тебе языком, интуиция. Ну, чего ты уставился? – улыбнулся он, поймав на себе пытливый, исподлбья, взгляд Андрея, который явно не мог взять в толк, говорит он серьезно или снова издевается. – Можно подумать, рассчитать время, которое понадобится тебе на дорогу, – такая уж сложная штука. К тому же тут и рассчитывать-то ничего не надо. Ты сколько лет ко мне едешь? И из дому едешь, и из управления... Тут и не захочешь, а запомнишь, сколько ты сюда добираться.

– А пробки? – возразил Мещеряков.

– А телевизор? – немедленно парировал Забродов. – А также FM-радио, не говоря уж о глобальной сети Интернет. Они взяли себе за правило с утра пораньше предупреждать москвичей о пробках – где, когда, какого размера и на какой срок. А ты что, не в курсе? Смотри, Андрей, от прогресса отставать нельзя. Начнешь опаздывать на совещания в верхах, того и гляди, из генералов выгонят!

– Да ну тебя, – отмахнулся генерал. – Тоже мне, человек-хронометр!

– Тебе не угодишь. Телепатия тебя не устраивает, простой хронометраж тоже не по нутру... Скажи лучше, где тебя носило столько времени!

Мещеряков побарабанил по столу кончиками пальцев, всем своим видом выражая сомнение в том, стоит ли делиться с Забродовым, теперь уже штатским человеком, информацией, носящей строго секретный характер. Это тоже было что-то вроде дежурной шутки: всякий раз, когда разговор заходил о служебных делах, Мещеряков не упускал случая хотя бы выражением лица попрекнуть Иллариона его уходом из армии. Шуткой подобные упреки считались только потому, что Забродов реагировал соответственно. Другой бы на его месте обиделся, а Илларион только ухмылялся, демонстрируя отменную крепость нервов и устойчивость закаленной в учебных лагерях психики. Все серьезные разговоры на эту тему остались далеко в прошлом, и генерал Мещеряков продолжал подпускать шпильки насчет секретности по инерции, в силу многолетней привычки.

– Ну-у, – протянул он, – как тебе сказать... Вот ты говоришь – телевизор. Ты вообще-то новости смотришь хотя бы иногда?

– Ба! – обрадовался Забродов. – Так ты все это время был в плену у сомалийских пиратов? Какой же выкуп за тебя заплатили?

– Трепло, – с достоинством произнес Мещеряков.

– Нет, серьезно, – не унимался Забродов. – Интересно же знать, почему нынче генералы!

– Меня пока не оценивали, – признался Мещеряков. – И потом, сомалийцы на розничную торговлю не размениваются, а предпочитают опт – желательно крупный. Да и я не капитан торгового судна и даже не военно-морской адмирал. Я, Илларион Алексеевич, человек сугубо сухопутный и в Сомали отродясь не бывал.

– А где бывал?

– Новости, Илларион, – тоном преподавателя, задающего тупому студенту наводящий вопрос, напомнил Мещеряков, – новости!

Забродов быстро прикинул, сколько дней отсутствовал Андрей, и сопоставил календарные даты с тем, о чем чаще всего болтали в телевизионных выпусках новостей в последнее время. Ему вспомнилось одно сообщение, которое, промелькнув в новостях, больше не повторялось – по крайней мере, он повторений не видел и не слышал, хотя дельце было куда более занятное, чем бесчинства сомалийских пиратов.

– С неделю назад, – сказал он, – на границе с Южной Осетией подвергся обстрелу кортеж, в котором ехали сразу два президента – Грузии и Польши...

– Ну, – подтверждая, что он на правильном пути, подтолкнул его Мещеряков.

– Судя по загадочному выражению твоей генеральской физиономии, – продолжал Илларион, – а также по тому, что ни одна из машин кортежа от этого обстрела не пострадала, это сделал ты. Хана тебе, Андрюха! За такую стрельбу тебя точно из генералов коленкой под зад попросят!

– Вот осел, – вздохнул Мещеряков. – Верно говорят: горбатого могила исправит.

– Ну вот, уже и обиделся, – ухмыльнулся Забродов. – Говорил бы толком, а то наводишь тень на плетень, конспиратор!

– Это была провокация, – заявил генерал.

– Это я слышал по телевизору. Конечно, провокация, иначе там бы никто костей не собрал. Я только не понял, с чьей стороны.

– Болван! Стоит только задуматься, кому это выгодно, как станет ясно, кто это сделал.

– Да, – согласился Илларион, – пожалуй, тебе от этого выгоды никакой.

– С тобой невозможно разговаривать, – констатировал Мещеряков. – И ждать от тебя нечего, кроме пустого зубоскальства.

– А я не хочу быть серьезным, обсуждая такие темы, – сообщил Илларион. – Уровень информированности у меня нынче, как у рядового российского пенсионера, то есть, считай, нулевой, да и вникать в подробности этой подковой возни не хочется. «Где ты ничего не можешь, там ты ничего не должен желать», – так, кажется, говорили древние, и я целиком разделяю их мнение.

Он встал с табурета, заглянул в заварочный чайник, удовлетворенно кивнул и принялся разливать чай по чашкам. Невольно залюбовавшись уверенными движениями его сильных, умелых рук, Андрей Мещеряков уже не впервые пожалел о том, что там, где он пропадал последние две недели, не было рядом Забродова.

– Жалко, – не сдержавшись, высказал он вслух свои мысли, – что там не было тебя. Тогда бы эти черти от нас точно не ушли. Я, конечно, имею в виду стрелков, а не президентов, – уточнил он на всякий случай.

Забродов пожал плечами, усаживаясь на свое место.

– Ты глубоко ошибаешься, если думаешь, что это комплимент, – сказал он. – Меня там не было, но там почти наверняка были мои ученики. Или ученики моих учеников. И если они не смогли сделать то, что смог бы я, пенсионер, значит, я был скверным инструктором и грош мне цена. В утешение тебе, а заодно и себе могу сказать только одно: не забывай, на той стороне моих учеников тоже хватает.

Мещеряков вздохнул.

– Да уж, наплодили мы в свое время...

– Головорезов, – подсказал Илларион. – Ничего не поделаешь, такова специфика нашей работы. Американцы до сих пор не знают, как отбиться от террористов, которых сами обучили, у нас та же история наблюдается... Пей чай, Андрюха, и не отчаивайся. Коньячку тебе туда плеснуть?

Мещеряков на минуту задумался.

– Ни перед чем ты не остановишься, – печально произнес он, – стремясь к заветной цели: сделать меня алкоголиком. Ладно, черт с тобой, лей... Хотя должен тебе заметить, что в свете последних событий я стал относиться к выпивке с определенной долей опаски.

– Ага, – сказал Илларион, снимая с полки бутылку коньяка и щедрой рукой доливая доверху генеральскую чашку, – посмотрел-таки сюжетец!

– Посмотрел, – согласился генерал, с благодарным кивком придвигая к себе чашку. – Сам по себе этот репортаж ни о чем не говорит...

– Ну, еще бы! – перебил его Илларион. – Представляю, сколько владелец ресторана отвалил съемочной группе за то, чтобы они не упоминали в эфире название его заведения!

– Думаю, немало, – снова кивнул Мещеряков. – Но ты прав, ситуация сложилась странная: два места, отстоящих друг от друга на полторы сотни верст, и в обоих фигурирует по бутылке вина и по паре человек, которые умерли мгновенно и безболезненно, едва успев отпить из бокала. Конечно, на свете случаются еще и не такие совпадения, но привычка списывать все на совпадение – путь к большим неприятностям.

– Вот-вот, – поддакнул Забродов. – Я где-то прочел такую фразу: дескать, совпадение похоже на резину и, если его слишком сильно натянуть, оно лопается...

– Словом, я кое-что предпринял по поводу этого сюжета, – продолжал генерал. – Узнал название ресторана и поинтересовался ходом расследования. Доблестная столичная милиция, представь, норовит пришить двойное убийство официанту, который обслуживал этих девиц. Они ему, видишь ли, нагрубили, вот он и...

– Погоди, погоди. Что милиция ищет козла отпущения, это и ежу понятно. Что с вином?

– Вино действительно то же самое – бургундское марки «Шамбертен». Более того, на месте происшествия по чистой случайности оказался врач, и не просто врач, а доктор медицинских наук, специализирующийся на ядотечении и даже написавший на эту тему докторскую диссертацию. Обе смерти засвидетельствовал именно он, и он же первым смекнул, что это как-то связано с вином. После чего, не побоявшись оставить на бутылке свои отпечатки, заткнул ее пробкой и отставил в сторонку до приезда милиции. Из-за этих отпечатков, кстати, его тоже пытались взять в оборот, но тут у них ничего не вышло: доктор был в ресторане не один и все время оставался на виду у своих спутников. Зато он настоял на немедленной экспертизе вина, и тут нам опять повезло: у тех, кто его допрашивал, хватило ума послушаться ученого человека. Яд удалось обнаружить, но не удалось идентифицировать. Это, как я понял, что-то новенькое, доселе нигде не встречавшееся. Действует мгновенно, прямо как цианид, но, в отличие от цианида, безболезненно. Вступая в контакт с атмосферным воздухом, окисляется и распадается на простейшие составляющие в течение трех часов. В организме то же самое происходит за два часа, так что патологоанатомам потом только и остается, что выдать заключение с диагнозом «внезапная остановка сердца».

Илларион покивал с задумчивым видом, не став упоминать о своих догадках, которые только что блестяще подтвердило сообщение, сделанное генералом.

– Значит, истина все-таки в вине, – сказал он. – И мне кажется, что версию о маньяке, который слоняется повсюду со склянкой яда в кармане и подсыпает его всякому, кто ему почему-либо не понравился, можно с чистой совестью отбросить.

– Это почему же? – усомнился Мещеряков.

– Отравить вино в ресторане, согласись, постороннему человеку было бы непросто, а в случае с Замятиным так и вовсе не возможно. И потом, почему именно вино строго определенного и не слишком широко распространенного у нас сорта? Бутылка этого вина стоит очень приличных денег, а это, помимо всего прочего, предполагает вполне определенное к нему отношение. Я имею в виду, что его должны беречь как зеницу ока и глаз с него не спускать. Поэтому, повторяю, подобраться к этому вину посторонний человек не мог. Разве что наш гипотетический маньяк работает в ресторане, где отравились эти девушки, а его жена – горничной в «Рябинке».

– Опять совпадение? – с огромным сомнением спросил Мещеряков.

– И опять неправдоподобное.

– Возможно, кому-то надо было тихо убрать Замятина, – предположил генерал. – А второе убийство совершили просто для отвода глаз – что называется, на кого бог пошлет, – чтобы все искали какого-то маньяка. Или, скажем, нарушение технологического процесса, в результате которого в вине сам собой образовался смертельный яд.

– Не думаю, что здесь имела место охота на конкретного человека, будь то Замятин или кто-то еще, – возразил Илларион и вкратце изложил выводы, к которым пришел в результате своих поисков.

Пока он говорил, Мещеряков успел допить свой чай. Стараниями Забродова, который время от времени подливал ему в чашку из стоявшей на столе бутылки, к концу чаепития данная жидкость содержала в себе уже очень мало чая. На кухне у Иллариона было тепло и уютно, и утомленный не столько своими кавказскими приключениями, сколько последовавшей за ними столичной суетой, от которой, как оказалось, успел немного отвыкнуть, генерал слегка захмелел.

За окном в ранних сумерках падал мокрый снег – мелкий, но частый. Он уже затянул ровным белым покрывалом газоны; на побелевших тротуарах темнели неровные цепочки следов, проносящиеся по улице машины с шорохом и плеском разбрызгивали снеговую кашу. Чувствовалось, что этой ночью у коммунальщиков будет много работы и что к утру город все равно окажется заметенным, как таежный полустанок.

– Еще чайку? – предложил Илларион.

– Чаем душу не обманешь, – подумав, изрек генерал. – Вот чуток коньячку для расширения сосудов не помешало бы.

– И этот человек утверждает, что его спаивают! – мелодраматическим тоном вскричал Забродов.

– Представьте себе. И небезуспешно. Сначала спаивают, а потом попрекают. И коньяку не дают.

– Коньяку, ваше превосходительство, больше нет. Могу предложить напиток более изысканный, хотя и менее крепкий.

Не вставая с табурета, он дотянулся до кухонного шкафчика и жестом фокусника распахнул дверцы. Мещеряков увидел, как в полумраке поблескивает темным стеклом целая батарея узкогорлых бутылок с блеклыми, словно бы выцветшими и пожелтевшими от старости этикетками.

Генерал отшатнулся, как будто увидев в глубине шкафчика готовую к броске королевскую кобру: бутылки были знакомые, точно такую же выставил на стол последний в своей

жизни вечер полковник Замятин, и точно такая же бутылка унесла жизни Леры Николаевой и ее закадычной подруги.

– Ну и ну, – сказал он, немного придя в себя. – Кто бы мог подумать! Вот, значит, где скрывается маньяк!

– Хм, – Илларион почесал затылок. – Признаться, такая мысль мне в голову не приходила. А идея-то недурна! Чем возиться, впрыскивая яд в бутылку там, где тебя могут застукать, лучше заниматься этим дома, в тепле и безопасности. А потом проникаешь на склад магазина, подкладываешь бутылочку к остальным и тихо линяешь... При моих, скажем, навыках это раз плюнуть. С точки зрения бухгалтерского учета излишек едва ли не хуже недостатка, но это ж не финансовая отчетность, а просто бутылка вина, которую можно прикарманить – все равно ведь лишняя! Но я тебе клянусь, – он выпрямился и торжественно прижал к сердцу ладонь, – что я этого вина не травил. За других не поручусь, а я – ни-ни.

– Верю, верю, – криво усмехнулся Мещеряков, – тебе это ни к чему. При твоих, как ты выразился, навыках ничего не стоит укокошить человека двумя пальцами и сказать, что так и было. Зачем еще на яд тратить?

– Вот именно, – согласился Забродов. – Ну, так как, твое превосходительство, рискнем? Бутылок тут шестнадцать штук – по числу магазинов, где торгуют этим вином, и ресторанов, где его подают. Поскольку о массовых отравлениях речи пока нет, вероятность, что одна из этих бутылок окажется с сюрпризом, ничтожно мала.

– Ну да, мала! – не поверил генерал. – Я бы согласился, если бы речь шла о дешевом портвейне или о водке. А это – продукт другого сорта. Не так уж его, во-первых, и много, да и покупают его не так часто – цена кусается. Так что вполне может оказаться, что яд содержится в каждой третьей бутылке. Или даже в каждой второй.

– Но не в каждой первой, – значительно подняв указательный палец, вставил Илларион. – Я угощал этим вином Риту. И сам пил. И, как видишь, оба живы-здоровы.

– Риту я лично давненько не видел, – возразил Мещеряков, – и о ее здоровье могу судить исключительно с твоих слов. А что до тебя самого, так тебя, по-моему, никаким ядом не возьмешь. Разве что водородной бомбой, да и то бабушка надвое сказала.

– Типун тебе на язык, – обиделся Забродов. – Еще один такой намек, и я начну вливать в тебя это вино насильно – по глотку из каждой бутылки. Не отравишься, так напьешься до безобразия, и придется водителю тебя до самой квартиры, как бревно, волочить.

– Нет, кроме шуток, – оставив без внимания угрозу, которую, как он точно знал, Забродову ничего не стоило выполнить, сказал Мещеряков, – что сие должно означать? Откуда такое богатство?

– Я же сказал: из магазинов и ресторанов. Я взял на себя труд заехать в каждое из заведений, где можно достать это вино, и в каждом приобрел по одной бутылке. Если приглядишься, увидишь, что они пронумерованы. Бутылка из ресторана, где отравились девушки, помечена цифрой три.

– Это ж сумасшедшие деньги! – поразился генерал, намеренно не обратив внимания на нумерацию, которая, разумеется, была произведена неспроста.

– Мой бюджет выдержит, – небрежно отмахнулся Илларион. – И потом, как ты знаешь, истина дороже.

Андрей Мещеряков усмехнулся. «Истина... Дело тут, пожалуй, не в истине, – подумал он. – Не настолько ты любишь детективные сюжеты, чтобы швырять направо и налево тысячи своих пенсионерских евро ради раскрытия какого-нибудь запутанного преступления. Просто ты, приятель, во все времена свято исповедовал принцип, очень четко сформулированный в каком-то фильме: я не за белых и не за красных; я, как во дворе, – за своих. Ты никогда не скрывал, что Иван Замятин тебе не нравится, но это дело вкуса, а о вкусах не спорят. Но он был для тебя свой – член команды, сослуживец, честно делавший свое дело на своем посту и

не замазанный двурушничеством. И ты не успокоишься, пока не найдешь того, кто его убил. Что, собственно, и требовалось доказать...»

– Ну, и зачем тебе столько этого пошла? – спросил он.

– Есть у меня одна мыслишка, которую стоит проверить, – ответил Забродов. – Думается мне, что что-то нечисто с поставщиком вина. Его в любом случае следует пощупать. Но сначала надо проверить само вино на наличие в нем яда. Только, умоляю, не как в прошлый раз. После анализа содержимое бутылок мне еще пригодится.

– Это сделаем, – бодро откликнулся Мещеряков.

– И поскорее, пожалуйста. И еще, Андрей. Я понимаю, что это будет сложно, но необходимо ввести что-то вроде неофициального запрета на продажу этого сорта вина. Нельзя, чтобы люди продолжали травиться. И нельзя спугнуть того шутника, который этим занимается.

– Да уж... – На этот раз настал черед Мещерякова чесать в затылке. – Действительно сложно... Это ж придется действовать через управление торговли, через чинуш... А у них один разговор: раз ты генерал, ступай к себе в казарму и там солдатами командуй. Как будто не выполнить простую человеческую просьбу для них – дело чести. А, да что там! Не обращай внимания. Просто вот они у меня где! – он чиркнул ребром ладони по кадыку. – Ей-богу, пока в полковниках ходил, легче было. Не понимал своего счастья, дурак...

– Так ты сделаешь? – прервал его не совсем трезвые излияния Забродов.

– Да сделаю, конечно...

– Стало быть, решено. О деле мы поговорили. А теперь что же – рискнем все-таки? А вдруг пронесет? Теория вероятности за нас!

– Да ну тебя, – вздохнул Мещеряков. – Давай уж лучше чайку...

* * *

Совладелец фирмы «Бельведер» Виктор Мухин, по прозвищу Муха, загнал свой шикарный новенький кроссовер на стоянку перед рестораном, заглушил двигатель и вышел из машины. На ходу заперев нажатием кнопки центральный замок, он торопливым шагом пересек заматаемую косым мокрым снегом стоянку и нырнул в сухое тепло вестибюля. Зеркальные стены отразили и многократно умножили его громоздкую, затянутую в черный выходной костюм фигуру, и на мгновение ему показалось, что вестибюль полон народу – крепких, еще далеко не старых мужиков в дорогих костюмах и белых рубашках без галстуков, распахнутые воротники которых позволяли всем желающим полюбоваться множеством толстых золотых цепей.

Сориентировавшись в обстановке, Муха подошел к одному из зеркал и на минутку задержался, приводя себя в порядок: провел ладонью по короткому ежику мокрых волос, поправил воротник рубашки и стряхнул с пиджака капельки талой воды.

В дверях обеденного зала к нему сунулся похожий на пингвина в своем черном фраке с белой манишкой метрдотель.

– Прикажете столик? – доверительно проворковал он.

– Меня ждут, – шаря взглядом по погруженному в интимный полумрак залу, отрезал Муха, и метрдотель отстал.

В самом дальнем углу зала кто-то поднялся из-за стола, призывно махая рукой. В мягком, приглушенном свете бра тускло блеснула похожая на мочалку из медной проволоки непокорная шевелюра; Муха помахал в ответ, и Ржавый Реваз, поняв, что замечен, успокоился и сел.

Когда Муха подошел, они обменялись крепким рукопожатием. Реваз был одет дорого, с той кричащей роскошью, которую во все времена так любили кавказцы. Темно-рыжая, на полтона темнее волос, борода Ржавого Реваза выглядела как дань моде, хотя Муха уже давно начал подозревать, что это не так: борода весьма удобна в полевых условиях, так как избавляет

своего владельца от тягостной необходимости каждое утро (а бывает, что еще и каждый вечер) скрести щеки и подбородок бритвой.

Реваз был настоящий боец, каких Муха не встречал ни до, ни после него. Стрелял он, как сам господь бог, а в рукопашной мог играючи раскидать десяток противников, ничуть при этом не запыхавшись. О своем прошлом Ржавый не распространялся, но из самых общих соображений было ясно, что навыки свои он получил не в подворотне. К слову, Ржавым его называли только за глаза: к шуточкам по поводу своего нетипичного для грузина цвета волос он относился болезненно, темперамент имел истинно кавказский, а клички – опять же как все восточные люди – предпочитал героические, с налетом мрачного трагизма. Он бы, наверное, с удовольствием откликнулся на прозвище вроде «Черной Смерти» или «Карающего Кинжала»; возможно, у себя дома он и носил подобную кличку, но в Москве он был и оставался Ржавым (за глаза) или просто Ревазом.

В самом начале лихих девяностых Муха работал с ним в одной бригаде, бомбившей рынки и ларьки кооператоров. Потом пути их разошлись, а когда жизнь свела старых знакомых снова, Муха не без удивления обнаружил, что в родных горах Ржавый дослужился чуть ли не до генерала госбезопасности. А может, и просто до генерала, безо всяких там «чуть ли» и «почти».

Сотрудничество с Мухой было для генерала Реваза, конечно же, делом второстепенным, чем-то вроде побочного заработка. Мухина это нисколько не удивляло: генералы – тоже люди и, как все простые смертные, любят вкусно поесть и хорошо выпить. Кавказцы, помимо этого, очень любят деньги; русские их тоже любят, причем сплошь и рядом так, что готовы за них убить, но для кавказца деньги – вопрос престижа. Как говорилось в старом грузинском анекдоте: «Мужчина – тот, у кого есть дэнги. А это – самэц»...

Самцом Ржавый быть не желал, да, в сущности, никогда и не был. Занимаясь своей горской госбезопасностью (горбезопасностью, как называл это Мухин), Реваз никогда не упускал возможности срубить лишний лари, а еще лучше – доллар или евро. Возможностей у него, судя по всему, хватало, и Муха даже не пытался гадать, на чем еще, кроме нелегальных поставок вина, зарабатывает господин генерал.

Еще было не совсем понятно, каким образом генерал грузинской госбезопасности ухитряется в наше время беспрепятственно разгуливать по Москве, не волоча при этом за собой длинный хвост наружного наблюдения, да еще и устраивать здесь свои делишки. Впрочем, насчет своего генеральства Реваз мог и приврать – Муха у него документы не проверял, а прихвастнуть Ржавый любил всегда, на то и кавказец.

– Ну, здравствуй, генацвале, – сказал Мухин, усаживаясь за стол, посреди которого уже красовалась бутылка хорошего – не грузинского – коньяка.

– Гамарджоба, уважаемый, – откликнулся Реваз, обнажая в улыбке крупные желтоватые зубы. – Сто лет тебя не видел, соскучился!

– Да неужто? А я-то думал, ты человек занятой, совсем забыл меня за своими делами...

– Э, что дела! Дел много, слушай, друзей настоящих мало, их беречь надо! Ты мне друг, Виктор, и я тебе друг – что, этого мало, чтобы встретиться, выпить немножко, по душам поговорить? Тем более если у друзей общий бизнес. Партнеры всегда найдут что обсудить, нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.